

Не Твоя
Прислужка

Ева Вуксен

Осторожно! Слишком горячая история!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Территория своих

Ева Виксен

Не твоя прислужка

«Автор»

2026

Виксен Е.

Не твоя прислужка / Е. Виксен — «Автор», 2026 — (Территория своих)

Еще вчера она была обычной студенткой архитектурного института, которая переживала лишь из-за финального босса летней сессии - старого профессора - и нелепого шоколадного пятна на блузке. Впереди маячили два месяца абсолютной свободы, пицца с подругами и ледяной мохито. Но у реальности циничное чувство юмора. Один телефонный звонок разбивает мир Саши на куски: её единственная опора, любимая бабушка, оказывается в реанимации после страшного падения. Чтобы оплатить штифты, пластины и спасти самого близкого человека, Саше приходится пойти на сделку с дьяволом - точнее, с его рублёвским управляющим. Она вынуждена занять место бабушки и примерить фартук экономки в роскошном, но насквозь гнилом особняке миллиардеров Лазаревых. Из мира студенческих тусовок Саша попадает на минное поле элитного улья, где прислугу считают людьми второго сорта. Но самое страшное испытание ждет её впереди. Ведь наследник Лазаревых наметил в ней свою жертву. Сможет ли девушка спастись от его любви?

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
Пролог	6
Глава 1: Эклер, экзамен, катастрофа.	7
Глава 2: Проблемы зарёванных людей.	13
Глава 3: Ревность, Ксюхин стриптиз и эвакуация Олеси.	17
Глава 4: Инструктаж на минном поле.	23
Глава 5: Пакт о ненападении.	33
Глава 6: Один на один.	43
Глава 7: Зверинец.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ева Виксен

Не твоя прислужка

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный характер, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

Пролог

Жизнь редко спрашивает нашего мнения, когда решает круто развернуться. Мы можем годами выстраивать планы, расписывать дни в ежедневниках, копить на отпуск или жильё, думая, что полностью контролируем свой маленький предсказуемый мир. Но реальность - штука циничная и с чёрным чувством юмора. Самые глобальные перемены обычно происходят не под фанфары, а из-за одного дурацкого звонка среди ночи или случайно пролитого кофе на важные документы.

А самое дурацкое из всех странностей жизни - это то, как возвращается прошлое. Ты можешь уехать на другой конец мира, сменить номер телефона и заблокировать всех в соцсетях. Ты думаешь, что закопал воспоминания так глубоко, что до них не доберётся ни один экскаватор. А потом ты стоишь в очереди на кассу в супермаркете, или застреваешь в душевой пробке на МКАДе, или просто открываешь дверь курьеру - и натыкаешься взглядом на человека, которого надеялся больше никогда не встретить. Прошлое не просто настигает, оно бьёт под дых в самый неподходящий момент, когда ты меньше всего к этому готов.

Нет, ну так-то можно попробовать и убежать от прошлого, если ты хорошо умеешь бегать. А я вот не умею. Точнее, не люблю. Не люблю бегать, но в этот раз я была готова топить и топить подобно марафоновцу, наплевав на одышку и стёртые в кровь пятки. Вот только... бега не случится. Обстоятельства играют против меня и вяжут по рукам и ногам. М-да уж, со связанными ногами далеко не убежишь, но можешь поползти червячком. Ползти, упорно и нелепо, пока тебя не подхватит какая-нибудь хищная птица... или кто-нибудь просто не раздавит тяжёлым ботинком. О чём это я?

Я о том, что порой мы вынуждены столкнуться лицом к лицу с тем, что когда-то отпустили и уже не чаяли видеть, и что нам приходится иметь с этим дело, стоически терпеть, глотая обиду и маскируя дрожащие пальцы.

Привет. Меня зовут Саша, и я хочу рассказать вам о том, как прошлое ворвалось с вертушки в мою жизнь и ушатало знатно, не оставив даже шанса на ответный хук.

Глава 1: Эклер, экзамен, катастрофа.

Если бы меня попросили спроектировать ад, я бы не стала выдумывать котлы с кипящей смолой или чертей с трезубцами. Зачем этот устаревший декор? Я бы просто воссоздала в масштабе один к одному коридор третьего этажа нашего института утром двадцать первого июня. Время - 09:00. Температура воздуха - 32 градуса в тени, но из-за неработающей вентиляции кажется, что все сорок. В воздухе стоит удушливый концентрат из тревожной тревожности всех студентов, сомнительного кофе из автомата, мятной жвачки и ядерной смеси парфюма. И всё это источают тридцать бледных, полуобморочных студентов, пытающихся засунуть в свои несчастные головы три тонны информации по византийским каркасным системам.

Экзамен по истории архитектуры - это финальный босс нашей летней сессии. Чудовище с двумя головами, одна из которых состоит из бесконечных чертежей, разрезов и дат, а вторая - это наш многоуважаемый профессор Аристарх Павлович. Ну, вы уже наверняка догадались по имени, что это может быть за человек? Хотя нет, это как-то грубо... Аристархи же не виноваты, что их тёзка носит их имя, так?

Старику в обед сто лет исполнится, он застал, кажется, царя Гороха или царя Боба, но при этом сохранил удивительную, поистине юношескую зоркость по части девичьих прелестей. Профессор имел две главные слабости в этой жизни: плавность барочных волют(декоративных завитков) и женские округлости. У-ля-ля! Об этом феномене в институте ходили легенды, передававшиеся из поколения в поколение старшекурсниками. Существовала даже негласная примета: чем короче твоя юбка, тем меньше вероятность, что тебя спросят про шаг колонн в римских термах.

Именно поэтому сегодня в коридоре творился самый настоящий парад путан. Девчонки поголовно вырядились так, будто нас ждала не жёсткая пытка на экзамене, а кастинг в поревоиндустрию. Глубокие V-образные вырезы, обтягивающие платья-лапша, в которых дышать можно было только через раз, "плиткодробильные" шпильки и юбки, едва прикрывающие соблазняющие зоны.

Аристарх Павлович сегодня праздновал свой второй день рождения, блин, не иначе... Да, он точно помрёт от счастья! Из приоткрытой двери аудитории было видно, как у старика масляно блестели глаза за толстыми линзами очков, а на губах проступала слюнявая, блаженная улыбка каждый раз, когда к его столу подплывала очередная «жертва наВуки». Я искренне, до тошноты ненавидела эти его прилипчивые, раздевающие взгляды, от которых хотелось пойти и помыться с хозяйственным мылом аж до скрипа. Но закрытие экзамена - штука жестокая. Без четвёрки по истории у меня бы слетала повышенная стипендия, а без неё наше с бабушкой шаткое финансовое равновесие превращалось в откровенную катастрофу... Я отключила свои моральные ориентиры, чтобы пройти через это. Но самое паршивое, что к этой вакханалии я подготовилась хуже всех. Точнее, я так дико спешила, что умудрилась накосячить везде, где физически позволяли законы вселенной.

Моё утро началось в шесть часов в нашей двухкомнатной хрущёвке на окраине города. Это место - памятник советскому индустриальному домостроению серии К-7. Потолки два сорок пять, звукоизоляция такая, что ты точно знаешь, какой сериал смотрят соседи снизу, соседи сверху, соседи сбоку, соседи соседей, соседи из соседних домов... И так далее, и тому подобное...

Бабуля моя, Анна Степановна, как обычно, не спала. Она сидела на кухне, завернувшись в свой старенький байковый халат, и медленно пила цикорий из любимой кружки с отбитой ручкой, которую я ей подарила на день Бабушки лет так десять назад... От этой кружки уже живого места не осталось, и новых я ей надарила, а эта "упрямица берёт и упрямится": не желает отпустить измученную керамику... Что ж, памятные вещи - дороги. А старики - так вообще

любители оставлять "красивое" и "хорошие" до особых или лучших времён. На столе перед ней лежал её бессменный спутник - толстый рабочий блокнот в кожаном переплёте, куда она аккуратным, совершенно прекраснейшим почерком записывала меню, списки покупок и расписание Лазаревых. Бабушка проработала в особняке миллиардеров экономкой больше двадцати пяти лет. Она была той самой редкой породой прислуги, которую хозяева уважают и немного боятся за безупречное достоинство и стальную внутреннюю дисциплину. Ненавижу, кстати, это слово - "прислуга"...

— Сашенька, главное - не волнуйся, — совершенно спокойно сказала она, когда я, взъерошенная и злая на весь мир, влетела на балкон сдирая блузку с сушильной верёвки. — Ты у меня умница. Ты этот собор Святой Софии наизусть знаешь...

— Ба, знать-то я знаю, — пробурчала я, пытаюсь одновременно натянуть колготки и не порвать их об острый угол старого кухонного стола. — Просто Аристарх опять будет смотреть на меня так, будто я сосиска в тесте или коКлета по-киевски... Меня от одного его вида потряхивает.

— Не обращай внимания на глупости старого дурака, — бабушка мягко улыбнулась, и лучики морщинок вокруг её глаз стали глубже. — Допляшется когда-нибудь чёрт плешивый! Одна радость у человека - на девок пялиться! Тьфу! Давай, иди сюда, я тебя чмокну на удачу...

Я была явно не в духе и ни в какие удачи я не верила. Но это был бабулин ритуал: всегда перед важными событиями она "чмокала меня на удачу". Правда, как я заметила, "чмокала" от слова "чмо", потому что многие дела шли у меня сракой об косяк после этого...

— Всё будет хорошо, родная. Сдашь свой последний экзамен, и поедем в августе в санаторий, подлечим мои косточки. Нам Владислав Николаевич как раз премию обещал...

— Давай, бабулечка! Смотри! — Наигранно погрозила я ей пальцем. — Не опоздай на работу-то!

— Ой, да беги ты! Без сопливых разберусь! Егоза! — Засмеялась она.

Я в ответ поцеловала её в сухую щёку, схватила сумку и полетела вниз по ступеням, молясь, чтобы трамвай не встал посреди маршрута из-за вечного ремонта путей на шоссе Энтузиастов. Энтузиастов создавать пробки, блин.

Слава всем богам, до института я уж добралась нормально. А то по закону подлости и опоздать могла.

Уже у дверей аудитории, когда до моей очереди оставалось всего три человека, случился первый крупный тактический провал. Я стояла, прислонившись спиной к прохладной стене, и пыталась судорожно повторить по конспекту даты постройки готических соборов Франции. Рядом Ксюха, моя одноклассница и по совместительству главная модница потока, а ещё моя несносная подружка, нервно грызла колпачок капиллярной ручки.

Вдруг Ксюха замерла, опустила взгляд куда-то в район моих ног, и её идеально накрашенные глаза медленно округлились до размеров пятирублевых монет.

— Саш — шёпотом выдала она, дёргая меня за рукав. — Скажи мне, это новый писк моды или ты реально в глаза долбилась, когда сегодня собиралась?

— Шо не так? — я оторвалась от конспекта, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие, а к затылку подступает холодок.

— У тебя карманы на юбке спереди, а шлица и молния - на животе. Ты джинсу задом наперёд натянула, Савельева! Да ещё и на левую сторону!

Я опустила голову. Мать твою за ногу. Плоский синий замок-молния, который должен был благородно покоиться на моей поясице, сейчас красовался прямо под пупком, аккуратно между двумя накладными карманами, которые топорщились в разные стороны. В утренней спешке я умудрилась надеть джинсовую юбку-трапецию задом наперёд, да ещё и шиворот-навыворот!

— Блин, Ксюх, что делать? — я панически заметалась глазами по душному коридору, я должна зайти следующая в считанные минуты или даже секунды. — Мне заходить сейчас! Если я пойду в туалет переодеваться, Аристарх вызовет следующего по списку, и я гарантированно пойду на допсу теперь...

И вот знаете, за что я обожаю свою подружку? За её мегамозг, который в стрессовых ситуациях выдаёт гениальные решения со скоростью квантового компьютера!

— Я ща! — Ксюха сорвалась с места, расталкивая локтями братьев наших студентов, и припустила в сторону гардероба.

Оттуда она вернулась ровно через пятнадцать секунд, на ходу расправляя свой лёгкий летний оверсайз-плащ. Остановившись прямо передо мной, она резким движением раздвинула его полы в стороны, став похожей то ли на графа Дракулу перед атакой, то ли на классического извращенца-эксгибициониста в городском парке.

— Давай! — благородно скомандовала женщина-щит, закрывая меня своей спиной от остального коридора.

— Господи! — я выпучила глаза, на секунду растерявшись от масштаба катастрофы.

Однокурсники вокруг, естественно, тут же зашептались, начали откровенно пялиться в нашу сторону и лыбиться, предвкушая бесплатное представление. Но Ксюха стояла насмерть, то есть на совесть... Никто ж не умер... Хотя я старалась помереть от стыда изо всех сил... Под этим тканевым куполом, путаясь в собственных ногах, я за секунду расстегнула пуговицу, исполнила какой-то дикий кульбит бёдрами, сняла джинсу, надела в этот раз на "правильную сторону" и рванула молнию уже на поясице, прищемив колготки! Благо, никто из парней не увидел моих труселей с принтом в виде уставших авокадо. Косяк был исправлен на чистом адреналине. Копронкам - точно звездеч.

Чтобы хоть как-то заглушить панический, предсмертный мандраж, который уже начал противно покалывать кончики пальцев, я полезла в сумку. Там, завернутый в пергаментную бумагу, лежал мой запас глюкозы - огромный, истекающий жирной шоколадной глазурью эклер, купленный на остановке. Да, это опасная покупка. И я опасная женщина. Я рискую по-крупному и покупаю пирожки на вокзале и эклеры в ларьке. Ну ладно, ладно... Не покупаю я пирожки на вокзалах... Просто в минуты дичайшей паники мне позарез надо закинуться сахарком... Да знаю я, что заедать стресс вредно, но сейчас моему мозгу требовалось топливо, иначе я бы просто забыла, чем отличается ионический ордер от дорического.

Я дрожащими пальцами развернула бумагу, сделала один большой, поспешный укус. И в этот момент изнемогающее от июньской жары кондитерское изделие решило меня обгадить. Внутреннее давление заварного крема оказалось критическим. С противоположного его конца сочным шлепком вырвался приличный кусок тёмной шоколадной глазури. Он пролетел по идеальной параболической траектории и приземлился аккуратно на мою белоснежную хлопковую блузку. Ровно посередине. Там, где ткань сильнее всего натягивалась на моей груди.

Надо сказать, что природа, обделила меня финансами и покладистым характером... ой да чего уж там! И извилинами она меня тоже обделила! Но в плане фигуры решила компенсировать все упущения по полной программе. Под тонким белым хлопком блузки вполне недвусмысленно и аппетитно выпирали формы, которые Олеська (моя вторая подружка) ласково называла «аппетитками». И вот теперь на самом пике этой выдающейся формы красовалось жирное, глянцево-шоколадное пятно размером с пятирублевую монету, которое было похоже вовсе не на шоколад. Смекаете?

— Твою же дивизию — прошипела я, едва не плача от злости.

— М-да... — Ксюша ещё больше вытаращила глаза и как заржала носом на весь коридор.

— Ну, спасибо, подруга...

Я выхватила из кармана сухую бумажную салфетку и попыталась оттереть шоколад. Это было второй ошибкой. Вместо того чтобы аккуратно снять глазурь, я размазала её по волок-

нам ткани. Через секунду на блузке красовался живописный, грязновато-коричневый развод в лучших традициях экспрессионизма.

— Сашка, заходи, Аристарх уже звереет! Из-за тебя очередь встала! — Олеся высунулась из аудитории и буквально силой ухватила меня за руку, затаскивая внутрь.

— Ёкарный бабай!

Следующие двадцать минут я провела в состоянии, которое в медицине, наверное, называется предсмертным шоком, а в архитектурном - обычной сдачей сессии.

В аудитории пахло невыносимой пылью и дедовским тестостероном. Благо окно открыто, через которое залетали весёлые пушинки. Сам Аристарх Павлович сидел, откинувшись на спинку кресла, и лениво обмахивался зачётной книжкой какого-то несчастного студента, выкатившегося из кабинета перед моим приходом.

— А-а, Александра — протянул он. — Ну-с! Краса до пояса! Что у вас там за билет? Давайте, ко мне!

Сказал как будто я ему собачонка... Я опустила билет на зелёное сукно стола. Пальцы скользили по бумаге.

— Билет номер четырнадцать. Готические каркасные системы Франции. Собор в Шартре и Нотр-Дам в Амьене. Второй вопрос - византийская крестово-купольная система.

— Прекрасная тема, — профессор подался вперёд, опираясь локтями о стол.

И тут его взгляд, совершив дежурный манёвр от моей зачётки вверх, намертво зафиксировался на моей груди. Точнее, на том самом шоколадном пятне, которое на белом хлопке смотрелось как мишень на полигоне. Старик замер. Его кустистые седые брови медленно поползли вверх, а за толстыми стёклами очков зажглись нехорошие огоньки. Он уставился на этот кофейный развод с таким глубоким, искренним интересом, словно там был сам ящик Пандоры, блин.

Я почувствовала, как к щекам приливает густая, душная краска. Мне хотелось прикрыться сумкой, провалиться сквозь пол прямо в подвал института или просто съездить ему по лысине тяжёлым томом «Всеобщей истории искусств», который лежал на краю стола.

— Ну-с, Александра — проскрипел он, шумно втягивая носом воздух. На его нижней губе проступила тонкая, слюнявая полоска, которую он тут же слизнул. И тут я представила, как он представил, как он облизывает мою грудь и чуть не завизжала от ужаса. Это будет мне в кошмарах сниться, точно вам говорю! — Расскажите-ка мне, душенька, за счёт каких именно конструктивных элементов готическим зодчим удалось разгрузить стены и перенести всю тяжесть сводов на внутренние опоры? Что там у нас хм выступает в качестве главного несущего каркаса?

— Главным элементом является система, состоящая из аркбутанов и контрфорсов, — начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально жёстко, сухо и профессионально, без этой рабской, заискивающей дрожи, которую такие старые козлы обычно принимают за кокетство. — Аркбутан - это наружная полуарка, которая передаёт давление горизонтального распора свода на внешние столбы-устои, то есть контрфорсы. Это позволило освободить стены от нагрузок, сделать их тонкими и прорезать огромными окнами с витражами.

— Замечательно, замечательно — бормотал старик, но его глаза при этом совершали ритмичные колебательные движения: от моего лица к шоколадному пятну и обратно. — А как насчёт нервюр? Какова их роль в хм формообразовании пространства и распределении нагрузок? Какая, так сказать, глубинная физиология у этого процесса? Вы так живописно об этом рассказываете. И композиция у вас сегодня весьма оригинальная. Смелая, я бы сказал, композиция.

Он откровенно облизывался. Каждое его слово сочилось похотью, от которой внутри меня всё сжималось в один узел ярости. Я видела, как его старая, покрытая пигментными пятнами рука вертит в пальцах ручку, и эта ручка двигалась в такт его мыслям. Я заставляла

себя смотреть строго в окно, где на ветке старого тополя сидел сонный, взъерошенный голубь. Думай об архитектуре, Савельева. Думай о камнях. Камни холодные. Камни не умеют смотреть на тебя так, словно хотят сожрать прямо здесь...

Я отгарабанила второй вопрос про Византию на одном дыхании, без единой запинки, выдав ему все геометрические параметры купола Софии, включая диаметр в тридцать один метр и сорок окон в основании, создающих эффект «светового кольца».

Аристарх Павлович вздохнул. Было видно, что отпускать меня ему искренне не хотелось, праздник визуальной антропологии подходил к концу.

— Что ж, Александра — проскрипел он, выводя в моей зачётке размашистую, витиеватую закорючку. — Ответ, признаться, на троечку. Немного сухо, не хватает эмпатии к материалу. Нет ощущения эпохи. Но за хм, архитектурную выразительность, смелость вашей сегодняшней презентации и выдающиеся формы композиции — пускай будет четыре. Отдыхайте, душенька. Отдыхайте.

Я выкатилась из аудитории так, словно за мной гналась стая бродячих собак. Захлопнув дверь, я просто сползла спиной по прохладной стене коридора, наплевав на то, что моя юбка-перевертыш сейчас окончательно соберёт всю институтскую пыль.

Четвёрка! Четыре балла! Стипендия спасена. Мы с бабулей сможем собраться нас в санаторий и даже останется на её лекарства от давления.

Уже через тридцать минут мы с Олеськой и Ксюхой летели вниз по широкой парадной лестнице института, перепрыгивая через две ступени. Стоило нам вывалиться из дверей вестибюля на залитую ослепительным, душным солнцем улицу, как нас просто прорвало. Напряжение последних недель, бессонные ночи, литры энергетиков и этот слюнявый историк — всё это разом вылетело наружу.

Мы запищали в три голоса, заглушая гудки проезжающих по проспекту машин. Ксюха бросила свой тубус прямо на траву, Олеся подхватила меня под руки, и мы запрыгали на асфальте, как сумасшедшие первоклассницы, которым отменили уроки до конца жизни. Это была она — абсолютная свобода. Июнь горел вокруг нас зелёными кронами тополей, солнце пекло макушки, и впереди было целых два месяца жизни, в которой не будет планов, разрезов, осей координат и дедлайнов. Да! Кто здесь мамочка?! А?! Правильно, не я... Я ещё не рожала, но етить-колотить, как хорошо-то!

— Ну что, девчонки? Как насчёт набубениться? — Олеся тяжело дышала, утирая со лба капли пота. Её рыжие кудри растрепались, и она выглядела абсолютно счастливой. — Берём самую большую пиццу, ведро ледяного мохито и празднуем так, чтобы официанты крестились! Саня, ты заслужила, со своим шоколадным декольте!

— Да уж, Сашка, твоя блузка — это хит сезона, — хохотала Ксюха, поднимая с газона свой тубус.

Я тоже смеялась, чувствуя, как внутри наконец-то отпускает этот тугой, ледяной зажим. Я уже полезла в сумку, чтобы вытащить телефон и набрать бабушку — она наверняка извелась там на своей работе и ждала моего звонка.

Но не успела я разблокировать экран, как смартфон зашёлся длинной, требовательной вибрацией. На дисплее высветился незнакомый номер с подмосковным кодом.

Улыбка сошла с моего лица как-то сама собой. Внутри, где-то на самом дне желудка, неприятно ворохнулся червячок предчувствия. И отчего бы? Странно...

— Слушаю? — выдохнула я в трубку, придерживая прыгающую на плече сумку.

— Саша? Это Нуся. Из дома Владислава Николаевича Лазарева — голос сорокалетней сменщицы моей бабушки прозвучал так, будто она только что бежала кросс по болоту. Сухой, прерывистый, со странными, глухими всхлипами на заднем плане, от которых у меня мгновенно поползли мурашки по коже. — Сашенька, беда у нас. Анна Степановна она с лестницы упала. Клининг утром натёр, скользко было, а она Скорая только что уехала, повезли в цен-

тральную клиническую. Саш, там, кажется, рука я видела, там кость торчит, она кричала так сильно, Сашенька Её сразу в операционную повезут, наверное

Мир вокруг меня не просто остановился. Он разлетелся на тысячи мелких, острых пикселей, как битая матрица дешёвого экрана. Звуки улицы, смех подруг, гул проезжающих машин, запах цветущих лип и сирени - всё это разом отрезало. Остался только плотный, давящий, вибрирующий шум в ушах, похожий на гул высоковольтного трансформатора.

Я попыталась сделать вдох, но лёгкие просто отказались расширяться, горло словно сдавило невидимой железной рукой. Пальцы на правой руке, державшей телефон, начали стремительно неметь, начиная с мизинца. Холодная испарина выступила на затылке.

Лестница Лазаревых. Двадцать шесть ступеней из тяжёлого, массивного дуба с острыми резными гранями и балясинами. Я слишком хорошо, до мельчайших подробностей помнила эту злосчастную лестницу. Помнила, какая она высокая, крутая и абсолютно беспощадная, если лететь по ней вниз на полной скорости... Бабуля. Моя маленькая, хрупкая бабуля, у которой и так сердце через раз работает после инфаркта, полученного два года назад. Рука. Кость торчит. Наверное, операционная

— Саш? Ты чего? Сашка, на тебе лица нет! Ты белая как мел! — Ксюха больно ухватила меня за локоть, сильно встряхивая. Её смех оборвался на полуслове, на лице проступил испуг.

Я перевела на неё абсолютно дикий, невидящий взгляд. Телефон в руке дрожал так сильно, что пластиковый корпус стучал о мою серьгу, когда я попыталась что-то сказать.

— Бабушка В больнице. В Одинцово. Она упала с лестницы, — выдавила я через силу, чувствуя, как к горлу подступает горькая, кислая тошнота, а перед глазами плывут тёмные круги. — Мне надо туда. Прямо сейчас. Мне надо бежать

Я развернулась, собираясь бежать в сторону метро сломя голову, даже не соображая, где нахожусь и сколько займет дорога. Голова вообще не соображала. Внутри остался только один сплошной, пульсирующий ужас.

Но девочки не дали мне сделать и трёх шагов. Олеся железной хваткой вцепилась в ремень моей сумки, дёргая меня назад, а Ксюха уже вызывала такси.

— Куда ты одна в таком состоянии? С ума сошла? Под машину захотела?! — жёстко и зло отрезала Олеся, разворачивая меня к себе лицом и сильно сжимая мои плечи. — Ты чо, блин?! Мы едем с тобой!

— Девочки, не надо, у вас же планы пицца мохито — попыталась выдавить я, но слёзы наконец-то прорвали плотину, и я просто разрыдалась, размазывая тушь по щекам.

— Заткнись, Савельева, — Ксюха с грохотом рванула на себя заднюю дверь затормозившего у обочины жёлтого такси. — Садись, быстро. Никто тебя сейчас не оставит. Двинули, девки!

Мы втиснулись в душный салон машины, и водитель, оценив выражение наших лиц, с пробуксовкой рванул с места, унося меня навстречу прошлому, которое решило забрать меня целиком. Но я этого ещё не знала...

Глава 2: Проблемы зарёванных людей.

Знаете, в чём главная подлянка нашей вселенной? У неё абсолютно извращённое чувство юмора и напрочь отсутствуют тормоза. Ещё сорок минут назад ты была королевой этого мира, прыгала на раскалённом асфальте, орала от счастья дурниной и предвкушала кутёж. А сейчас ты сидишь на заднем сиденье прокуренного «Соляриса», который несёт тебя по шоссе, и чувствуешь себя куском дерьма, который забыли смыть в толчке. Буквально. Потому что на моей блузке всё ещё красовалось то самое шоколадное пятно, напоминающее по форме не то кляксу Роршаха, не то последствия птичьей диареи, а тушь окончательно смешалась со слезами и потекла к подбородку, превращая меня в грустного клоуна.

— Твою мать, шеф, ну поднажми ты! — Ксюха с переднего сиденья едва не выпрыгивала из юбахи, то и дело тыча длинным ухоженным ногтем в экран смартфона, где навигатор горел зловещим бордовым цветом. — Там пробка на переезде! Давай дворами, ну сделай что-нибудь!

Таксист, хмурый кавказец с усами размером с хорошую мохнатую гусеницу, только тяжело вздыхал и крутил баранку своего корыта, которое на каждой кочке дребезжало так, словно у него сейчас отвалятся все четыре колеса разом.

— Э-э, девчонка, куда я поднажму? — ворчал он, косясь на Ксюху. — Выдишь, фура встала? Тут только перепрыгнуть её можно. У меня «Хёндай», а не вертолёт, понимаешь, да?

Рядом со мной на заднем сиденье возилась Олеся. Она упорно пыталась отпоить меня водой.

— На, Санечка, попей. Ну попей, легче станет, — причитала она, вытирая мне щёку влажной салфеткой, от которой разило химозной ромашкой. — Водичка стресс снимает. И дыши правильно... Как нас на психологии учили, помнишь? Носом вдыхай, ртом выдыхай...

— Да пошла она в сраку, эта твоя психология, Лесь — прохрипела я, отталкивая бутылку.

Но горло пересохло так, будто я три дня жрала сухой цемент. Каждый вдох отзывался внутри тягучей болью. Паника, которая сначала накрыла меня ледяной волной у института, сейчас трансформировалась в какое-то тупое, ватное оцепенение. В голове, сменяя друг друга, крутились картинки из детства.

Дом Лазаревых. Тот самый проклятый особняк на Рублёвке, куда бабушка брала меня с собой, когда меня совершенно не с кем было оставить. Для маленькой Сашки Савельевой этот дом казался инопланетным кораблём. Вылизанный до зеркального блеска мрамор, запах дороговизны и цитрусовых освежителей, система «умный дом», которая разговаривала вкрадчивым женским голосом и сама раздвигала шторы, когда ты входила в комнату. И идеальный, изумрудный газон, по которому ползал маленький круглый робот-газонокосилка. Я всегда боялась, что он пальцы на ногах оттяпает... Хотя с Игорьком мы частенько до него докапывались, дразнились и убегали с его траектории, когда он ехал на нас. Понятное дело, что он бы не причинил вреда - система безопасности бы не позволила... Но всё же... Было так волнительно.

Правда, не всё было так радужно. Я - маленькая девчонка в растянутой футболке и сандалиях на липучках, которой бабушка строго-настроено запрещала свободно ходить по хозяйским хоромам. *«Сашенька, сиди в комнате отдыха для персонала. Сашенька, не трогай эти игрушки, это Игорева машинка.»* Я - человек второго сорта. Внучка экономки. Я уже тогда, в свои неполные семь лет, кожей ощущала эту невидимую, но железобетонную стену, которая отделяла меня от сытой, чистой жизни Лазаревых. И вот сейчас эта стена снова высилась, грозя похоронить под своими обломками мою единственную опору - бабулю.

До больницы мы дотащились только к половине третьего. Больничный городок встретил нас классическим унынием подмосковного здравоохранения: облупившийся серый клинкер корпусов, разбитый асфальт, на котором лужи не высыхали, кажется, с прошлого года, и стойкий, бьющий в нос запах йода и тушёной капусты из столовки.

Я выскочила из такси, даже забыв дожидаться девчонок. Капроновым колготкам, которые я прищемила молнией во время нашего великого переодевания под плащом, окончательно настал полный и бесповоротный звездеч - на левой ноге поползла жирная, уродливая стрелка, обнажая бледную кожу. Но мне было плевать.

В приёмном отделении за невысокой пластиковой стойкой сидела заспанная тётушка в белом халате. На её груди красовался бейдж с гордым именем «Тамара Иванова», а выражение лица транслировало такую вселенскую скорбь и ненависть ко всему живому, что сразу становилось понятно: что бы все мимо проходящие лесом шли и её не трогали.

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, где Савельева Анна Степановна?! — я буквально упала на стойку, тяжёло дыша и хватая ртом душный, пропитанный антисептиком воздух. — Её скорая привезла несколько часов назад с переломом руки, наверное! Что с ней?!

Тамара Иванова даже ухом не повела. Она медленно, со скоростью умирающей улитки, перевернула страницу какого-то журнала, лизнула палец и только потом соизволила поднять на меня свои глазки.

— Девушка, вы такая суетная. У меня от вас голова аж разболелась. Фамилия как? Савельева? — она начала лениво возить пальцем по клавишам. — Ну, привезли такую. Ждите в коридоре. Бахилы наденьте, без бахил нельзя. Автомат в углу, пять рублей без сдачи.

— Да какие, к чёрту, бахилы?! — у меня внутри всё вспыхнуло злым, яростным огнём. — Она упала с лестницы! Где врач?!

— Слышь! Рот закрой, да? Это что за поведение-то такое! Здесь больные люди лежат! А она орёт на всю питерскую! Мне охрану вызвать?!

Ксюха, подлетевшая сзади, ловко отодвинула меня плечом и шлёпнула на стойку хрустящую тысячную купюру и сощурилась дабы прочитать имя неприятной тётушки.

— Тамарочка, дорогая, не злись. Подскажи, в какое отделение её повезли? Девочка с ума сходит, единственная родственница. По-человечески прошу!

Косарик подействовал на Тамару Ивановну как чудотворный бальзам. Лицо её слегка разгладилось, а пальцы забегали по клавиатуре заметно быстрее.

— В травматологию её повезли, на третий этаж. Там её сейчас хирург смотрит. Но вас туда всё равно не пустят, там операционный блок рядом

Не дослушав её, я рванула к лифту. Девчонки топали сзади, их шпильки гулко разносились по кафельному коридору, заставляя оборачиваться редких пациентов в синих больничных пижамах.

На третьем этаже, прямо у дверей с табличкой «Травматологическое отделение», на лавке сидела Нуся. Помощница моей бабушки выглядела так, будто её саму только что пропустили через бетономешалку. Её обычно аккуратные тёмно-русые волосы растрепались, по лицу размазались слёзы, а поверх серой униформы был наспех натянут белый фирменный фартук с логотипом Лазаревых - серебряным вензелем «Л».

— Сашенька! — Нуся вскочила, стоило мне вывалиться из дверей лифта, и тут же запричитала, хватая меня за руки. — Сашенька, прости меня, недосмотрела! Я ведь говорила Анне Степановне: осторожнее надо быть, там клининг только-только закончил, они этот шведский лак натёрли, как каток стал! А она говорит: «Надо проверить, Владислав Николаевич на днях возвращается, не дай бог пылинки» И как полетит О господи, этот хруст Я до сих пор его слышу, Саш! Она как закричит

— Нуся, тихо, тихо, — я сама едва держалась на ногах, чувствуя, как Нусина паника переползает на меня. — Где она сейчас? Что врачи говорят?

В этот момент лёгкая пластиковая дверь с надписью «Оперблок» со скрипом приоткрылась, и из неё вышел мужчина в зеленом хирургическом костюме. Маска у него была спущена на шею, лицо - серое от усталости, а из-под шапочки выбивались влажные от пота седые волосы. От него густо разлило табачным дымом и антисептиком - видимо, только что вышел со сложной

смены. Нет, он там не курил - ну, я надеюсь - просто буквально чувствовалось, что он курильщик со стажем.

— Вы к Савельевой? — хмуро спросил он, оглядывая нашу странную делегацию: зарёванную меня с шоколадным пятном на груди, Нусю в фартуке и двух девиц на шпильках.

— Я. Я её внучка, — я сделала шаг вперёд. — Что с ней? Жить будет?

Хирург тяжело вздохнул и потёр переносицу, оставляя на коже красный след от маски.

— Жить будет, куда она денется. Но досталось вашей бабушке прилично. Возраст всё-таки, кости хрупкие. Резюмирую: сложный оскольчатый перелом правой плечевой кости со смещением. Проще говоря, руку там разнесло в хлам, собирать придётся по частям, как пазл. Плюс сильное сотрясение головного мозга - головой она тоже знатно приложилась о ступени, повезло, что череп цел. Ну и на закуску - трещина в шейке бедра. Не полный перелом, слава богу, но приятного мало.

У меня внутри всё окончательно рухнуло куда-то в район желудка.

— И что теперь? Нужна операция?

— Обязательно, — кивнул врач. — Будем делать остеосинтез. Собирать плечо на титановые штифты и пластины. Сами понимаете, операция сложная, материалы дорогие. По квоте ждать - месяца три, а у неё времени нет, осколки могут сосуды повредить. Так что придется делать платно, если хотите, чтобы рука вообще потом шевелилась. Плюс после этого - строгий постельный режим минимум месяца три из-за бедра, и долгая, нудная реабилитация. Сиделка нужна будет круглые сутки, сами вы её не натаскаетесь.

— А сколько сколько это стоит? — тихо спросила я, чувствуя, как перед глазами начинают плыть чёрные цифры, из которых теперь будет состоять вся моя жизнь.

— Это вам надо к девочкам... — Он кивнул куда-то за мою спину, и все мы оглянулись на пустой коридор.

— Простите, я не понимаю... — тупо моргнула я, вытирая пот со лба.

— Девочки-менеджеры сидят прямо по коридору и налево. Все финансовые вопросы через них, я лицо чисто техническое...

— Спасибо!

Я кивнула ему и понеслась, как ужаленная, к «этим девочкам», едва не теряя на ходу свои туфли. Девчонки и Нуся ломанулись за мной. На двери нужного кабинета красовался уже надоевший, тошнотворный пластик шоколадного цвета с золотыми буквами. Я коротко постучала. Изнутри кто-то меланхолично проблеял:

— Войдите!

И я вошла, едва не сорвав ручку.

— Здравствуйте! Я...

Не успела я договорить и выдать хоть одну членораздельную фразу, как меня аккуратно, но танкоподобно потеснил в сторону тот же хирург - зашёл следом, шурша своими кроксами. Он быстро, на непонятном медицинском птичьем языке перечислил им предстоящее лечение моей бабули, похлопал карманы в поисках зажигалки и сигарет, и так же стремительно испарился, оставив меня один на один с коммерческим отделом ЦРБ.

Меня заставили присесть возле милой, ухоженной и сочувствующей моему горю брюнетки, от которой пахло приятным парфюмом и кофейным автоматом. На её бейджике было написано «Марина», и при этом она постоянно называла меня зайчиком. Ну, есть такая категория милых-ласковых людей. Спасибо ей за это... Девушка рассчитала мне всё буквально за пять минут, резво стуча длинными ногтями по клавиатуре.

— Зайчик, вот смотри! — Она с сострадательной улыбкой распечатала тёплый, пахнущий тонером лист А4 с аккуратной табличкой, где в одной колонке была прописана «услуга», то есть лечение моей единственной родственницы, а в соседней колонке - её сухая, железобетонная цена.

Я заглянула в листок. Триста пятьдесят тысяч рублей. Чистыми. И это только за саму операцию и штифты. Без учёта сиделки, лекарств, реабилитации и еды.

Надо ли говорить, сколько усилий мне стоило не разреветься прямо на этот грёбанный лист А4? Я настолько сникла, сжалась и раздавилась под этим весом, что это заметили все окружающие в кабинете. Марина сочувственно вздохнула, Ксюха сзади тихо выматерилась под нос.

Я ненавижу это. Ненавижу эти взгляды, в которых жалость смешана с безразличием. Ненавижу это сосущее, парализующее чувство полной, абсолютной беспомощности. Я нищая. У меня ни гроша за душой, за душой у меня только обосранная дешманским эклером блузка да порванные колготки. Это видят все. Понимают все. Менеджер Марина понимает, что я не вытащу из кармана пачку пятитысячных.

Но ладно, хрен бы с этим, с моим уязвленным эго... Но как же мне помочь бабуле? Где, вашу мать, студентке найти столько денег до завтрашнего утра?!

В палату к бабушке меня пустили всего на две минуты. Ба лежала на высокой больничной койке под капельницей. Она казалась такой маленькой, почти невесомой под толстым больничным одеялом. Лицо - белое, как мел, губы потрескались. Правая рука и плечо были туго забинтованы и зафиксированы на специальной подушке.

Я опустилась на стул рядом, осторожно взяла её левую холодную руку.

— Бабуль я тут. Всё хорошо, слышишь? Экзамен сдала, четыре получила. Всё нормально...

Бабушка медленно открыла глаза. В них плескалась мутная пелена от обезболивающих. Она попыталась шевельнуться, но тут же слабо застонала от боли.

— Саше — прошептала она, и её голос был похож на шелест сухой травы. — Саш Лаза-ревы Владислав Николаевич скоро прилетает Из Ниццы. Там дом там некому следить. Екатерина Михална одна не справится Саш, если там будет непорядок, меня уволят. Столько лет работы всё под откос. Нас вышвырнут, Сашенька Что делать-то?

— Ба, не думай об этом, слышишь? — слёзы снова обожгли мне глаза, и я судорожно сглотнула горький ком. — Капец, нашла о чём думать! Да это они должны сюда на крыльях совести прилететь и переживать за тебя! А не ты за них!

Бабуля что-то бубнила и бубнила, но я не могла и слова разобрать... Вот же чудная женщина! Она на их смертоубийственной лестнице переломалась вся! Так ещё и переживает, кто будет им сраки подтирать вместо неё! Ужас!

Из больницы я само собой уходить не хотела! И меня можно сказать выпроводили. Дело было уже вечернее, и девчонки тоже заметно устали, но оставлять меня одну упрямо не желали.

— Савельева, даже не вякай, — отрезала Ксюха, когда мы вышли из метро. — Ты сейчас в таком неадеквате, что или в окно выйдешь, или пойдёшь почки продавать за эти триста пятьдесят штук. Мы ночуем у тебя. Точка. А теперь - шагом марш в магазин, нам нужен анти-депрессант. Много антидепрессанта!

Глава 3: Ревность, Ксюхин стриптиз и эвакуация Олеси.

Наш местный продмаг «Семёрочка» встретил нас привычным ароматом лука, со скидкой выставленного у входа, и унылым писком кассовых аппаратов. Я шла между рядами как зомби, на автопилоте переставляя ноги. В голове без остановки крутился финансовый калькулятор и тревога за состояние бабушки. Так, стипендия повышенная и надбавка за сироту - десять тысяч. Моя заначка на санаторий - ещё тридцать. Если продать мой старый ноутбук, на котором я делаю проекты ну, ещё двадцать, если повезёт? Итого - шестьдесят. Где взять ещё триста? В кредит? Студентке третьего курса дневного отделения без официальной работы ни один банк не даст даже на покупку б/у пылесоса, не то что на титановые штифты. Капкан. Полный, глухой капкан.

Я свернула в отдел алкоголя, где Ксюха с Олесей уже увлечённо изучали полки со слабоалкогольными шипучками. Мысли путались, перед глазами всё плыло. Я увидела знакомую бутылку и ломанулась к ней, не глядя, и в этот момент на полной скорости, со всего размаху врезалась в из ниоткуда появившегося парня.

— Ой! — вскрикнула я, отлетая назад и едва не снося стеллаж с чипсами.

Бутылка выскочила из моих пальцев, но его большая, чертовски быстрая рука перехватила её прямо в воздухе, у самого пола.

— Опа! Осторожнее, девушка, — раздался сверху приятный, бархатистый мужской голос с лёгкой хрипотцой.

Я подняла глаза и зависла. На секунду мой финансовый калькулятор в башке даже заклинило. Передо мной стоял парень. Высокий - мне со своими метр шестьдесят пришлось задрать голову, лет двадцати пяти вроде? Он был в тёмно-сером спортивном костюме известного бренда, который сидел на нём так, словно его шили на заказ в лучшем ателье. Под плотной, качественной тканью олимпийки угадывалось офигенно накачанное, литое тело - широкие плечи, мощная грудь, кубики пресса, которые проступали даже сквозь трикотаж. Настоящий породистый качок, причём из тех, кто не просто жрёт протеин ведрами, а реально живёт в спортзале. Лицо симпатичное, с лёгкой трехдневной щетиной, чётко очерченными скулами и карими, очень внимательными глазами. Абсолютно мой вкус. И стопроцентное попадание в категорию «парни, которые никогда на меня не посмотрят».

Он протянул мне спасённую бутылку, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Рука у него была горячая, огромная, с жёсткими мозолями от штанги.

— Держите, — он улыбнулся, показывая ровные белые зубы. Но тут же его улыбка погасла, а брови сошлись на переносице. Он разглядел мою зарёванную рожу, потёкшую тушь, шоколадное пятно на груди и порванные в хлам колготки. — Ого Девушка, у вас всё в порядке? Вас кто-то обидел? Может, помощь нужна? На дворе вечер, давайте я вас провожу, или ну не знаю, разберусь с кем надо?

Он сказал это так искренне, с такой чисто мужской, защищающей интонацией, что у меня внутри на секунду сработал привычный закомплексованный триггер. Ага, сейчас. Прекрасный принц на спорте спасает чучело из хрущёвки.

— Нет! Нет, всё нормально, спасибо! — пискнула я, отшатнулась и буквально трусливо сбежала в глубь торгового зала, пряча лицо за волосами.

— Сашка, ты куда рванула? — Олеся перехватила меня у кассы, удерживая в руках две бутылки какого-то дикого перламутрового пойла. — Смотри, что я нашла! Дынное и арбузное шампанское с шиммером! Блёстки внутри, прикинь?

— Да хоть с чили-перцем, Лесь, мне фиолетово, — буркнула я, выкладывая на ленту свои покупки. На парня у витрины я больше не оглядывалась, хотя затылком чувствовала его удивлённый взгляд.

Через час в нашей маленькой кухоньке творился самый настоящий вертеп. Мы решили набубениться так, чтобы стереть этот день из памяти напрочь. Это был дикий, ядерный коктейль из безумного облегчения после сданной сессии и чёрного стресса из-за бабули. Коктейль, который бил по мозгам не хуже кувалды.

Мы пили блестящее шампанское прямо из стаканов. Оно было приторно-сладким, пахло жвачкой, зато как красиво искрились звёздочки в нём. Шиммер, блин. Красиво жить не запретишь.

К одиннадцати вечера Ксюху понесло на откровения. Она сидела на кухонном табурете, закинув ноги на соседний стул, и размахивала полупустой бутылкой.

— Савельева, ты ты сильная, поняла? Ты лИвица! Ты богиня! Мы женщины - значит, мы богини! Весь мир - у наших копыт! Йик! Ты прорвёшься. Мы все прорвёмся. Триста пятьдесят штук - эт вообще не деньги. Да это... Это это ж три майфона! Ну, четыре. Или скока? Мы что, на четыре майфона не заработаем? Да я я свою почку нет, почку жалко, я волосы продам! У меня длинные, натуральные, за них знатно дадут! И у папы попрошу! Пусть даёт деньги, раз бросил в детстве! Он правда каждую неделю на карманные мне перечисляет... Но я скажу, шо надо больше!

Олеся к этому моменту уже слабо реагировала на внешние раздражители. Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодильнику, который был как раненый бизон, и пыталась нарисовать на стене пальцем сердечко, используя в качестве краски пролитое шампанское с блёстками.

Около часу ночи кутёж достиг своего апогея. Олеся, издав глухой стон, окончательно капитулировала. Она выползла в комнату и отрубилась там «звездой» прямо на паласе, не дойдя до дивана, раскинув руки и ноги в разные стороны и тихонько посапывая носом. Мы с Ксюхой только переглянулись и допили остатки арбузно-дынного сиропа. Пожалуй, две бутылки шампанского для трёх хрупких девушек - это перебор... Но у нас ещё было шесть банок мохито и маргариты. В голове уже стоял туман, мир слегка покачивался, как палуба корабля во время лёгкого шторма. Мне было так хреново и одновременно так пофиг на всё, что я даже перестала думать о деньгах. Ксюха потащила меня танцевать. Мы сделали музыку на моём смартфоне погромче и начали твёркать ей в такт и угорать вокруг спящей Олеськи. Но вдруг раздался резкий, дребезжащий звонок в дверь. Я вздрогнула. Ксюха тоже замерла, уставившись на дверь круглыми, хмельными глазами.

— Эт это кто? — пробормотала она, пытаясь сфокусировать взгляд на дверном проёме.

— Ща узнаем — Ноги слушались плохо, их слегка заносило вправо.

Надо сказать, что к этому моменту от моего дневного парадного наряда не осталось ничего. Блузку с шоколадным пятном я содрала с себя еще два часа назад и закинула в стирку, капронки улетели в помойку. Сейчас на мне были только чёрные трусики и тонкая, застиранная белая футболка. Футболка была старая, ткань от частых стирок стала почти прозрачной, а из-за прохладного сквозняка, который вечно тянул из-пол балконной двери мои соски очень отчётливо выпирали сквозь белый хлопок, заявляя о своём существовании во весь голос. Но мне в моём промежуточном состоянии алкогольного анабиоза было абсолютно плевать как я выгляжу в данную секунду. А девчонок я не стеснялась. Чего они там не видели?

Я подошла к двери, щёлкнула замком и рванула деревянную створку на себя.

На пороге, под тусклым светом мигающей подъездной лампочки, стоял тот самый парень из «Сёмерочки». Высокий, накачанный, всё в той же серой олимпийке. У меня перед глазами всё плыло. Пространство выдавало такую дикую картинку, что я то судорожно щурила глаза, как кошка на ярком солнце, в отчаянной попытке разглядеть этого ночного пришельца, то

раскрывала их как ненормальная, едва не выкатывая глазные яблоки на порог. Прикиньте зрелище...

Парень явно не ожидал увидеть то, что увидел. Его взгляд мгновенно упал с моего зарёванного лица вниз - туда, где под тонкой майкой без лифчика во всей красе рельефно проступали мои «аппетитки». Он на секунду завис, его карие глаза потемнели, а на губах медленно расплылась широкая, откровенно удивлённая и довольная улыбка.

— Оу — протянул он, сглотнув слюну. — Привет ещё раз. А я это ты на кассе кошелёк оставила. Я посмотрел - там студенческий на имя Александры Савельевой. А у меня друг в этом доме живёт, мы с ним вместе в магазине были... В общем, вот. Возвращаю.

Я стояла, тупо хлопая ресницами и пытаюсь переварить информацию. Кошелёк. Студенческий. Парень. Друг. В башке всё замкнуло.

И тут из-за моей спины, покачиваясь и держась за стену, выползла Ксюха. Она была бухая в зюю, тушь на её глазах размазалась еще живописнее, чем у меня, но стоило ей бросить взгляд на парня, как её лицо озарила вспышка безумного узнавания.

— Твою ж мать! Ромка?! — завопила она на весь подъезд, едва не падая на меня. — Ромка Ковалёв! Ты откуда тут взялся?! Сашка, это ж Ромка! Мы с ним в одной школе учились, он тогда был дрыщом ушастым, а щас смотри - ряху отъел, плечи во! Ромка-а-а!

Рома удивлённо вытаращился на Ксюху.

— Ксюша? Петрова? Ни фиги себе встреча

— Какая встреча, какая встреча! — Ксюха уже ухватила его за рукав олимпийки и с силой потащила внутрь квартиры, наплевав на то, что парень вообще-то просто занёс вещь и даже не спрашивая разрешения у меня. — Заходи быстро! Мы тут сессию сдали! И у Сашки короче, заходи, пить будешь! У нас дынное с блёстками! Заходи, я сказала, не обижай девчонок!

Рома вяло пытался сопротивляться, что-то бормотал про то, что ему завтра на тренировку с утра, что машина внизу заведена, но куда там. Против двух пьяных студенток архитектурного, одна из которых тянет тебя за руку, а вторая стоит перед тобой в одних трусах и просвечивающей майке, не устоит ни один мастер спорта. Она буквально затащила его в коридор, ногой захлопнула дверь, и Рома оказался в ловушке нашей советской малогабаритки.

Через пятнадцать минут обстановка накалилась до предела. Мы сидели всё на той же кухне. Рома, который поначалу чувствовал себя скованно на маленьком табурете, под напором Ксюхи быстро сдался. Мы налили ему полный гранёный стакан маргариты, он крикнул, выпил его залпом, как водку, и заметно расслабился. Олимпийку он снял, оставшись в обтягивающей черной футболке, под которой его бицепсы перекачивались как два спелых арбуза.

Ксюха моментально пошла в атаку. Алкоголь полностью отключил у неё все комплексы и стыд. Она пересела со своего стула прямо к нему на колени - уселась своими бёдрами на его крепкие, раскоченные квадрицепсы, обняла его за шею и начала что-то жарко шептать ему прямо в ухо, то и дело задевая губами его мочку.

Рома сидел, тяжело дыша. Его руки с широкими венами как-то сами собой легли на Ксюхину талию, пальцы уверенно сжали её кожу. Я сидела напротив и наблюдала за этой сценой, чувствуя, как внутри, где-то под ложечкой, начинает разгораться странный, злой и совершенно неуместный сейчас укол ревности. Какого чёрта? Парень мне понравился ещё в магазине, он кошелёк мой принёс, он со мной заговорил А Ксюха просто взяла и забрала его, как очередную шмотку на распродаже...

Вдруг Ксюха замолчала, притянула его лицо к себе, и они страстно поцеловались прямо у меня на глазах. Рома отвечал ей бурно, его ладонь скользнула ниже, на её задницу, но в самый разгар этого поцелуя его глаза неожиданно открылись.

Он посмотрел прямо на меня через стол. Строго, в упор. В его взгляде горел чистый, голодный, животный интерес. Он жадно, не отрываясь, следил за моим скуксившимся лицом, а потом его взгляд снова медленно опустился к моей груди. Тонкая майка от моих тяжёлых

вздохов натягивалась, пухлые округлости вздымались, и Рома буквально залип на эту картину, продолжая механически целовать Ксюху. Он хотел меня. Этот качок разрывался между доступной Ксюхой, которая уже вовсю ёрзала на его коленях, и мной - зарёванной, злой и полуголой хозяйкой квартиры. Но в итоге животные инстинкты и выпитый алкоголь победили: Ксюха была ближе и активнее.

— Так, народ — подала я голос, чувствуя, что меня сейчас стошнит то ли от ревности, то ли от дынного шиммера. — Вы как хотите, а я спать. Шоу-программу объявляю закрытой.

Ксюха меня даже не услышала. Она уже начала дрожащими пальцами расстегивать лифчик. Ткань разошлась, и её абсолютно голая, аккуратная грудь со светлыми сосками показалась на свет. Рома издал какой-то глухой рык и тут же припал к ней губами, начиная жадно осыпать поцелуями Ксюхину кожу, спускаясь всё ниже к животу.

Вывалившись в комнату, я наткнулась на Олесю. Рыжая бестия всё так же спала звездой прямо на проходе, сладко посапывая. Оставлять её тут было нельзя - Рома с Ксюхой в пылу страсти могли просто растоптать её по дороге на кровать.

Я наклонилась, ухватила Олесю за обе щиколотки и, как тяжёлый мешок с картошкой, потащила её по линолеуму в сторону своей спальни. Олеся только что-то невнятно пробормотала во сне и перевернулась на бок, когда я затащила её на ковер. Затем я кое-как затащила её тушу на кровать и перекатила к стенке.

Я захлопнула дверь спальни, отрезая нас от второй комнаты, рухнула на кровать и уставилась в тёмный потолок.

Но поспать мне не удалось. Наша хрущёвка, как я уже говорила, обладала феноменальной звукоизоляцией. Точнее, её полным отсутствием. Стены были толщиной с лист картона. Поэтому следующие три часа я провела в самом настоящем аудио-аду.

Сначала с кухни доносился глухой стук отодвигаемых табуреток, шлепки, тихий Ксюхин смех и тяжёлое, прерывистое дыхание Ромы. Потом они, судя по звукам, переместились в большую комнату на диван. И вот тут началось то, от чего мне хотелось оглохнуть. Ксюха стонала. Громко, самозабвенно, на все лады, переходя от тонкого писка к какому-то горловому хрипу. Старый диван Лазаревых тьфу ты, наш старый диван «книжка» (который нам отдали Лазаревы) ритмично, со скрипом бился о стену в такт их движениям. *Скрип-скрип-скрип. О-о-о, Рома-а-а! Да-а-а! Скрип-скрип.* Этот процесс казался бесконечным. Качок оправдывал свою спортивную форму на все сто процентов - судя по звукам, он вколачивал мою подругу в матрас с усердием отбойного молотка, и этот марафон продолжался почти до самого рассвета. Я ворочалась с боку на бок, кусала губы от злости, ревности и дикой, удушающей зависти. У всех жизнь бьёт ключом - у кого-то секс с качками, а у меня бедная бабуля и долг в триста пятьдесят тысяч. Полный комплект триумфатора.

Утро встретило меня в шесть часов. Солнце уже вовсю лупило сквозь стекло, превращая комнату в парилку.

Я попыталась поднять голову, но внутри черепной коробки словно взорвалась маленькая ручная граната. Мозг увеличился в размерах раза в три и теперь больно бился о стенки черепа при каждом движении. Во рту было такое ощущение, будто там переночевал табор цыган вместе со своими лошадьми.

Рядом на кровати застонала Олеся. Она села, схватившись за свои рыжие кудри, и её глаза были похожи на два красных уголька.

— Саш убей меня. Пожалуйста. Закопай меня Мне плохо.

— Держаться! — Застонала я. — Я сказала держаться!

Меня саму накрыло секунд через пять. К горлу резко, неодолимо подкатила густая, кислая тошнота. Я едва успела сорваться с кровати, путаясь в простынях, рванула дверь спальни и полетела в туалет.

Следующие десять минут прошли в тесном, интимном общении с белым фаянсовым другом. Меня выворачивало наизнанку. И знаете, что было самым мерзким? Этот проклятый дынно-арбузный сироп выходил обратно во всей своей красе. Мои раковина и унитаз теперь выглядели так, будто там совершил акту самосожжения сказочный единорог - всё было покрыто густой голубой пеной и блёстками. Перламутровый шиммер весело переливался в лучах лампы, осев на стенках глянцевого корочкой.

— Твою мать — прохрипела я, смывая воду в третий раз и вытирая рот тыльной стороной ладони. — Клянусь. Клянусь: я больше никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не буду пить это грёбаное шампанское. Никогда.

Из большой комнаты, почёсывая волосатый пресс, вывалился заспанный Рома. На нём были только его боксеры, а Ксюха вяло махала мне рукой из-под одеяла на диване. Выглядели они оба помятыми, но вполне довольными жизнью. На блёстки в унитазе Рома посмотрел с лёгким опасением (ну блин - не отмылись они! надо ядрён-батонить химией толчок!), но комментировать не стал.

Я мимо него неловко пробежала на кухню, включила ледяную воду и начала жадно пить прямо из-под крана, пытаясь смыть этот приторный дынный вкус. Кожа на лице горела, под глазами залегли темные круги - краше в гроб кладут, честное слово.

И в этот самый момент, когда я стояла, согнувшись над раковиной, а с моих волос стекали ледяные капли, в кармане моих брошенных на стуле шорт глухо и требовательно зажуужал телефон.

Я на автопилоте вытащила смартфон. На экране высветился строгий, короткий городской номер. Но не больничный. Этот номер я знала наизусть, он был записан в бабушкином блокноте на первой странице.

Офис Владислава Николаевича Лазарева.

Внутри меня всё мгновенно сжалось, остатки хмельной дури вылетели из головы за долю секунды, уступив место трезвой реальности. Я нажала на кнопку приёма и поднесла трубку к уху.

— Аллю?

— Александра? Доброе утро, — в динамике раздался сухой голос Аркадия Валерьевича, бессменного управляющего делами и личного помощника Лазарева-старшего. — Я звоню по поручению Владислава Николаевича. Нам известно о неприятном инциденте с Анной Степановной. Владислав Николаевич искренне соболезнует и желает ей скорейшего выздоровления.

— Спасибо — выдавила я, чувствуя, как затылок снова начинает неметь от предчувствия удара.

— Но, Александра, вы должны понимать ситуацию, — продолжил Аркадий Валерьевич, и в его голосе проступили жёсткие, металлические ноты. — Владислав Николаевич с семьёй прилетает из Ниццы 24 июня утром. На этой неделе в особняке запланировано три крупных мероприятия, включая приём для инвесторов и хороших друзей семьи Лазаревых. Дом должен быть в идеальном, подчёркиваю - безупречном состоянии. Система «умный дом» требует постоянной калибровки, персонал кухни и клининга нужно координировать ежеминутно. Анна Степановна была ключевым звеном этого процесса. У нас нет времени ждать её реабилитации. Форс-мажор - это прискорбно, но бизнес Лазаревых не может останавливаться из-за скользкого пола.

— Вы чо охренели? — у меня внутри всё задрожало от подступающей ярости. — Вышвырнуть её на улицу, пока она на операционном столе лежит?! Она у вас двадцать пять лет отпахала!

На том конце провода воцарилась короткая, презрительная пауза. Аркадий Валерьевич явно не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

— Александра, давайте без эмоций. Владислав Николаевич - человек практичный. И, кстати, он хочет вас поддержать. И здесь всё зависит от вас уже... У нас есть два варианта решения этой проблемы. Вариант первый: мы сегодня же заключаем договор с крупным клининговым и управленческим агентством. Они присылают своего менеджера и команду. В этом случае контракт с Анной Степановной аннулируется в связи с невозможностью выполнения обязанностей. Разумеется, мы выплатим и выходное пособие и, разумеется, премию... Но... Сами понимаете. Для вашей бабушки служить Лазаревым было призванием...

Я сжала телефон так, что пластиковый чехол жалобно хрустнул. Вы только вдумайтесь в эти слова... "Служить Лазаревым - это призвание..." Они даже не предложили оплатить лечение человеку, который четверть века на них угробил. Да что с этим миром не так?! Призвание - служить свинотам!

— Второй вариант предложила Нуся... Она утверждает, что вы, Александра, прекрасно знаете внутреннюю архитектуру дома, протоколы управления системой и все требования Владислава Николаевича. Вы бывали у нас ранее, вы помогали бабушке. Условия Лазарева таковы: 24 числа в семь ноль-ноль вы выходите на замену Анны Степановны в качестве исполняющей обязанности экономки. На тех же условиях. Если всё пройдёт хорошо, то мы полностью возмём расходы за операцию и по уходу за вашей бабушкой до её восстановления на себя.

Я не поверила то, что услышала. Сначала меня ударились лицом о стену, а теперь... Это же шанс спасти её здоровье, спасти её место, не дать этим зажавшимся тварям выкинуть старого, преданного человека на помойку как отработанный материал.

Но цена Цена этой сделки была для меня почти невыносимой. Стать прислугой. Надеть фартук. Ходить по струнке перед Лазаревым-старшим, терпеть капризы его светской сучки-жены и Игоря. Его сына, с которым мы в детстве дрались до крови за право залезть на старую яблоню у забора, пока нас не развели по разным углам социальной иерархии. Теперь он - золотой мальчик, наследник империи, а я - девка, которая будет следить, чтобы его рубашки были идеально отутюжены, а лимонад подан вовремя и со льдом.

— Александра, я жду ответа, — сухо напомнил Аркадий Валерьевич. — Агентство ждёт моего звонка. У вас тридцать секунд.

Я перевела взгляд на зеркальное стекло микроволновки прямо напротив моих глаз. На меня смотрело чучело с бледным лицом, размазанными глазами и растрёпанными волосами. Из большой комнаты доносился довольный смех Ксюхи и басистый голос Ромы. А в Одинцовской больнице лежала моя маленькая, хрупкая бабуля...

Выбора не было. Его никогда у меня не было, если честно.

— Я согласна, — тихо, но твёрдо сказала я, чувствуя, как внутри меня умирает последняя капля студенческой свободы. — Послезавтра в семь утра я буду в особняке.

— Вот и отлично. Форму и пропуск вам передаст Нуся. Не опаздывайте, Александра. Всего доброго.

В трубке раздались короткие, частые гудки.

Завтра начнется мой личный ад. И в этот раз в нём не будет эклеров и слюнявых профессоров. Только чужие капризы и ненависть, которую я привезу с собой в этот рублёвский улей. Держись, Савельева. Посмотрим, кто кого в итоге шредернёт!

Глава 4: Инструктаж на минном поле.

Я медленно опустила руку с телефоном. В динамике уже давно пищали короткие гудки, а я всё стояла, прислонившись спиной к кафельному фартуку на крошечной кухоньке, и пыталась осознать, что только что продала своё лето в рабство. Ледяная вода всё ещё капала с моих волос за шиворот, но я этого почти не чувствовала. Сделка с дьяволом в лице Аркадия Валерьевича состоялась. Послезавтра в семь утра я перешагну порог рублёвского улья.

Из большой комнаты донёсся какой-то нездоровый шум, прервавший весёлый Ксюхин смех, который я слышала секунду назад. Что-то бахнуло, зашуршало, послышался торопливый бас Ромы, а следом - оглушительный, заунывный рёв Ксюхи, от которого у меня в ушах зазвенело сильнее, чем от похмелья.

Я на негнущихся ногах вышла из кухни. В прихожей, едва не сбив меня с ног, пронёсся Рома. Он на ходу натягивал свою серую олимпийку, судорожно заталкивая телефон в карман штанов.

— Саш, бывай, там пацаны приехали, дело срочное! — бросил он мне вместо прощания, на секунду мазнув по мне своим карим взглядом, и вылетел за дверь.

Эвакуация перекачанного принца заняла ровно три секунды. А в гостиной уже всю разворачивался эпицентр драмы шекспировских масштабов.

Ксюха сидела на диване, поджав под себя голые ноги и завернувшись в бабулин плед. Тушь живописными, угольно-чёрными ручьями стекала по её щекам, размывая остатки тоналки, а в руках она сжимала несчастную диванную подушку. На журнальном столике поблёскивали пустые стаканы, на дне которых намертво засохли микроскопические блестящие звездочки от вчерашнего попойки и пустой квадратик презерватива. Блин, надеюсь, они выкинули использованную резинку... А не оставили мне сюрприз за диваном.

— Он ушё-о-о-ол! — взывала Ксюха, стоило мне показаться на пороге. — Даже «пока» не сказал! Сашка, ну почему со мной всегда та-а-ак?!

— Я видела... Вроде только что смеялись...

— Взял, выбежал как ошпаренный, когда ему кто-то позвонил! И на прощание даже не поцелова-а-ал!

Из спальни, почесывая гудящую с похмелья голову и щурясь от яркого солнца, выползла Олеся. Вид у неё был такой, будто её переехал трактор, но долг подруги обязывал к действию. Мы с ней не сговариваясь поплелись Ксюху откачивать. Леся молча налила и выдала подруге стакан фильтрованной воды, а я пристроилась рядом на край проминающегося дивана, аккуратно похлопывая Ксюху по вздрагивающему плечу.

Если честно, мне было безумно, до щемящей боли её жалко. Ксюха - девчонка-картинка: яркая, фигуристая, с потрясающим чувством юмора, учится на архитектурном на одни пятерки. Но внутри неё сидела огромная, ничем не заполненная дыра. Она росла без отца, только с мамой, которая вечно пропадала на трёх работах, чтобы прокормить семью. Эта вечная из самого детства нехватка мужского тепла и защиты превращала Ксюху в лёгкую мишень для любого проходимца. Она отчаянно цеплялась за малейшее проявление внимания и вечно ввязывалась из-за этого в самые дурацкие, проигрышные отношения. Нафантазирует себе любовь до гроба за одну ночь, а парень окажется обычным спринтером.

Вот так же случилось и с Ромой. Парень покрутил перед ней рельефным бицепсом, наговорил комплиментов, а Ксюша уже растаяла, нафантазировав себе... А Рома что? Рома обычный парень: пришёл, увидел, переспал и убежал.

— Ксюх, ну хорош, — мягко сказала я, отбирая у неё мокрую подушку. — Послушай меня. Рома твой - лопух обыкновенный. Но ты сама совершаешь одну и ту же ошибку. Нельзя сразу прыгать к парням в постель в первый же вечер. Их потомить надо, понимаешь? Вызвать

охотничий интерес, поводить за нос, заставить повключать мозги и побегать за тобой. Чтобы они хоть немного потрудились и оценили, какое сокровище им досталось. А ты сразу все карты на стол вываливаешь...

Ксюха резко перестала всхлипывать, икнула и уставилась на меня оскорблённым, пылающим взглядом. На её заплаканном лице отразилась глубокая личная обида.

— Это на что ты намекаешь, Савельева?! — голос её взлетел до ультразвука, едва не расколов плафон на старой люстре. — Что я, по-твоему, шлюха какая-то?! Легкодоступная, да?! Сама пришла, сама легла?!

— Да бог с тобой, дурында, ты вообще меня не слышишь! — я наглядно всплеснула руками, притянула её к себе и крепко обняла. — Ты лучшая. Ты умная, красивая, верная, девчонка-золото. Просто ты так сильно хочешь быть любимой, что отдаешь себя всю без остатка первому встречному, который сделал тебе корявый комплимент. А они, козлы, этим пользуются. Цени себя выше, Ксюнь. Ты заслуживаешь парня, который утром принесёт тебе кофе в постель, а не сбежит через форточку, пока ты спишь.

Ксюха шмыгнула носом, уткнулась мне в плечо и тихонько вздохнула. Напряжение наконец спало. Мы просидели так ещё минут десять, тихо говоря по душам. Ксюша постепенно успокаивалась, признавая, что Рома действительно повёл себя как последний мудака, и под конец даже слабо улыбнулась какой-то Леськиной шутке, после чего поплелась в ванную смыть боевой раскрас обиженной женщины.

Оставив девчонкам шептаться на кухне, я вернулась в спальню. Настроение, и без того помятое, упало ниже плинтуса. Телефонный разговор с Аркадием, который произошёл чуть раньше, до сих пор стоял у меня в ушах ледяным набатом. Послезавтра. Послезавтра я должна поехать на Рублёвку.

Но сначала нужно было узнать, что с бабушкой. Сердце колотилось как эпилептик, отдавая тупой болью в висках. Я судорожно вытащила смартфон и набрала номер ба. Шли долгие, изнуряющие гудки. Трубку никто не брал. Один раз, второй, третий... Внутри меня начала разрастаться паника. А вдруг ей стало хуже?

Не выдержав, я сбросила вызов и набрала прямой номер отделения больницы, который вчера добавила в контакты.

— Здравствуйте! — выпалила я, едва дождавшись ответа на том конце провода. — Я внучка Анны Степановны Савельевой. Подскажите, что с ней?

В трубке повисло шуршание бумаг, щелканье клавиатуры и равнодушный голос дежурной медсестры:

— Савельева Анна Степановна, шестьдесят седьмой год рождения? Девушка, её только прооперировали. Сейчас пациентка находится в палате интенсивной терапии, отходит от наркоза. Состояние стабильное, она спит. Навещать пока строго запрещено, звоните завтра.

Я онемела. Мой мозг, ещё не до конца очистившийся от похмельного синдрома, просто отказался обрабатывать эту информацию. Телефон чуть не выскользнул из мокрой от пота ладони. Я прислонилась спиной к стене, чувствуя, как у меня буквально подкашиваются колени.

— К-как прооперировали? — заикаясь, переспросила я, хватая ртом воздух. — Но мы же не заплатили ни копейки! Нам сказали, что без квитанции об оплате к ней никто даже с анальгином не подойдёт! Где вы взяли штифты?!

— Девушка, я откуда знаю? — раздражённо отмахнулась медсестра. — У меня в электронной базе стоит жирная отметка: «Счёт полностью оплачен частным лицом. VIP-пакет услуг, экстренное хирургическое вмешательство, индивидуальный пост наблюдения». Все вопросы и благодарности направляйте вашему спонсору.

В динамике раздалась короткая, равнодушная гудка. Я стояла в полном, абсолютном замешательстве. В шоке. В голове не укладывалось: кто? Кто этот тайный благодетель, выло-

живший колоссальную сумму за операцию простой пенсионерки? На ум приходил только один вариант - Аркадий Валерьевич блефовал, пытаясь меня запугать, а сами Лазаревы всё же проявили человечность и спасли ба? Но зачем тогда этот дурацкий ультиматум с выходом на работу? Что-то странное...

Я на негнущихся ногах зашла на кухню, где Леся как раз разливала по чашкам крепкий кофе, а Ксюха вяло ковыряла ложкой овсянку.

— Девчат тут такое дело, — я опустилась на табуретку, чувствуя, как меня потряхивает. — Бабушку прооперировали. Всё прошло успешно...

— Да ладно! — Леся чуть чайник из рук не выронила. — Сашка, это же чудо! Откуда деньги? Мы же только собирались искать?

— Вот и я не знаю, — тихо ответила я, глядя в свою чашку. — В больнице сказали, что всё полностью оплачено каким-то частным лицом по VIP-пакету. И у меня есть стойкое подозрение, что это дело рук Лазаревых. Правда, их управляющий буквально несколько минут назад выставил мне жёсткое условие. Из-за того, что бабуля выпала из строя, особняк остался без присмотра перед кучей важных приёмов. В общем мне придется выйти вместо неё на всё лето в дом Лазаревых. Отрабатывать. Буду там экономкой...

Девчонки дружно и сокрушенно застонали на всю кухню.

— О боже, Сашка Прощай, лето! Прощай, заслуженный отдых после сессии! — Ксюха сочувственно сжала мою ладонь. — Это же Рублёвка, там у этих богатеев заскок на заскоке. Они из тебя все соки выжмут!

— Да уж, попала ты в кабалу, подруга, — вздохнула Леся, качая рыжей копной. — Но с другой стороны - бабушка спасена, на ноги её поставят. А ты девчонка сильная, характер у тебя - кремень. Если эти буржуи будут тебя обижать - я уверена, ты дашь им прикурить! И только свистни. Мы приедем и устроим им архитектурную перепланировку без согласования. Или джакузи им дынным шиммером зальём, вовек не отмоются!

— Фууу! — Синхронно выдохнули мы с Ксю. — Не упоминай это шампанское никогда! — Мы мгновенно позеленели.

Мы от души посмеялись, я улыбалась как идиотка, глядя на девчонок. Их поддержка немного согревала, но внутри всё равно селился страх перед неизвестностью. Послезавтра моя жизнь изменится кардинально.

Настало двадцать четвёртое число.

Будильник безжалостно протрещал прямо над ухом в пять часов утра. За окном ещё стояла утренняя серая прохлада, а город только начинал просыпаться. Я подорвалась с кровати, словно ужаленная. Времени на долгие раскочки не было, а тож пуктуальность в домах подобного уровня ценилась превыше всего. Бабушка всегда говорила: «Опоздать к Лазаревым на пять минут - всё равно что уволиться».

Но первым делом, ещё не дойдя до ванной, я схватилась за телефон. Руки дрожали. Сердце замерло, пока шли гудки, но в этот раз трубку сняли быстро.

— Сашенька?.. — раздался в динамике тихий, слабый и очень невнятный голос. Бабуля ещё тяжело отходила от перенесённой операции, но её интонация была такой родной, что у меня внутри всё перевернулось.

— Ба! Как ты? — я изо всех сил старалась говорить бодро, но голос предал, сорвавшись на сип.

— Всё хорошо, егоза... Вот, починили меня, собрали по косточкам... Врачи тут хорошие, не переживай... Как ты там? Как экзамены?..

— Всё сдала, ба, всё хорошо, — по щекам сами собой хлынули горячие слёзы, смывая остатки сна. Напряжение последних суток наконец прорвало плотину. Я шмыгала носом, размазывая слёзы по лицу, и тихо плакала от щемящего сердечко облегчения. — Бабуль, ты отды-

хай, ладно? Я тебе вещи вечером ещё собрала и соседке нашей передала, тёте Маше, она их сегодня на машине к тебе привезёт... Сама только заехать не смогу, поеду на работу... Взяли меня на твоё место....

— Да ты что? Ой, Сашка, Спасибо, моя хорошая... — прошелестела она.

— Да ладно уж...

— Ты у меня умничка! Ой, Сашулечка, пришли уколы ставить... Позвоню тебе попозже, хорошо?

— Конечно, бабуль!

Положив трубку, я ещё пару минут посидела на кровати, вытирая лицо платком.

Я побежала в ванную приводить себя в порядок. Никаких вольностей, джинсов с дырками или яркого макияжа. Волосы я убрала в безупречно гладкий пучок на затылке, чтобы ни одна прядь не выбивалась. Из косметики использовала самый минимум: лёгкий консилер и тон, чтобы скрыть тёмные круги от недосыпов, недавней попойки и переживаний, и нанесла гигиеническую помаду. Зеркало отражало абсолютную собранность, исполнительность и профессионализм. Хотя внутри всё моё существо излучало одно-единственное желание - помереть прямо здесь...

Ровно в 7:00 такси затормозило у массивных, кованых ворот элитного посёлка. Меня промариновали с пять минут, а потом пропустили внутрь. Роскошество. Сплошное роскошество - а не дома, тянулись, тянулись и тянулись далеко-далеко по дороге.

Когда из утреннего тумана проступил огромный трёхэтажный особняк Лазаревых, выполненный в стиле строгого неоклассицизма, у меня перехватило дыхание. В груди мгновенно скрутился комок тревоги и острой, горьковато-сладкой ностальгии...

С этим местом было связано столько всего... Я помнила, как маленькой девчонкой бегала здесь по газонам, пока бабушка шуршала по хозяйству. Помнила, как этот дом казался мне огромным сказочным замком. Но сейчас сказка кончилась. Изменился и сам участок: ландшафтный дизайнер знатно перекроил сад - старый розарий, где мы когда-то в прятки с Игорем играли, заменили на холодные минималистичные кустарники, а огромную крытую беседку из тёмного дерева сместили вглубь участка. Всё стало более вылизанным, что ли. Раньше я была здесь любимой внучкой экономки, которой повара тайком совали эклеры. Теперь я возвращалась сюда на правах прислуги. От этой мысли к горлу подкатывала тошнота. Хотя чего это я? Я ведь всегда была ею... прислугой.

Меня встретил хмурый охранник в чёрной форме, больше похожий на бойца спецназа. Он долго и придирчиво сверял мои паспортные данные со списками в своём планшете, после чего досмотрел, а потом сухо кивнул и нажал кнопку - тяжёлая створка ворот медленно поползла в сторону, пропуская меня на закрытую территорию.

Я пошла по ухоженной каменной дорожке, чувствуя, как поджимаются пальцы в туфлях. У служебного входа, зябко поводя плечами, меня уже ждала Нуся - старшая горничная особняка и по совместительству давняя, верная подруга моей бабушки...

— Сашенька, девочка моя, ну слава богу, доехала! — Нуся крепко, по-матерински обняла меня, пахнув домашней выпечкой и кондиционером для белья. Тут же отстранилась, критически осмотрела мой внешний вид и сунула мне в руки пластиковую карту-пропуск и плотный свёрток. — Давай, бегом в гардеробную для персонала, переодевайся. Форму там найдёшь в чехле висит, тебя дожидается.

Через пять минут я уже разглядывала себя в зеркале. Форма экономки сидела на мне как влитая: серое платье с размашистым подолом длиной чуть ниже колена и белый с синим фартук. Кошмар какой...

Мы пошли по длинным, сияющим анфиладам комнат, и Нуся на ходу начала проводить для меня ускоренный, жёсткий инструктаж. До этого момента я лишь смутно представляла, чем занимается экономка, думая, что это просто «главная над швабрами». Странно,

правда? Получается, я и не знала в самом деле, чем именно занимается ба. Оказалось - ничего подобного. Экономка в таком доме - это настоящий исполнительный директор, мозг и нервная система особняка.

— Слушай и запоминай, Саш, — Нуся быстро перебирала пальцами, загибая их один за другим. — На тебе весь контроль. Пять горничных - это вместе со мной, повар, помощник повара, три садовника - все они теперь подчиняются тебе. Ты должна следить за временем их работы, распределять задачи и проверять качество уборки. Каждую свою смену ты проверяешь планшет «умного дома» - там вечно сбоит климат-контроль в винном погребе, а Владислав Николаевич за свои коллекционные вина голову снимет, если температура поднимется хоть на градус. Надо твоей сменщице Катерине Михалне оставлять отчёт, что ты сделала за смену и что нужно за смену сделать ей. Дальше, закупки продуктов тоже на тебе. Повар составляет меню, ты его утверждаешь, проверяешь списки и заказываешь доставку премиум-класса. Всё должно быть свежайшим. Никаких разводов на хрустале, никакая пылинка не должна упасть на мрамор. Сегодня у нас экстренная ситуация: хозяйева перенесли большой обед для гостей из парадной столовой на улицу, в беседку. Так что весь персонал сейчас носится как ужаленный. Координируй их, проверяй каждую мелочь.

— О мой бог... — только и подумала я, пока Нуся переводила дух.

Колоссальный, просто запредельный уровень ответственности за каждую чёртову мелочь! Как моя бабушка за двадцать пять лет здесь не сошла с ума и не заработала дёргающийся глаз? И главное, Нуся выдавала эти инструкции с таким видом, будто у меня за плечами был как минимум десятилетний стаж управления персоналом в пятизвёздочном отеле. Она реально думала, что навыки экономки передаются по наследству воздушно-капельным путём или закодированы у меня в ДНК?

Жуть. Теперь я до глубины души понимала людей, которые плотно сидят на антидепрессантах и транквилизаторах. Мой собственный уровень тревоги сейчас пробил крышу особняка и улетел куда-то в стратосферу. И знаете, что было самым обидным? Я не имела права стучаться. Не могла врубить заднюю, выбрать себя и сбежать через те самые кованые ворота. Не могла, потому что уже пообещала ба, что подстрахую её.

И это была вторая, самая паршивая причина, почему внутри меня всё клокотало от паники: я до усрачки боялась её опозорить. Бабушка наживала свой авторитет четверть века, а я могу помножить его на ноль за одно утро.

Надо будет тихонько поинтересоваться у Нуси, есть ли в местной аптечке валерьянка, пустырник или что-нибудь позабористее. Иначе я либо окочурюсь от инфаркта прямо на безупречном лазаревском мраморе, либо - что ещё хуже - знатно накосячу, и тогда нас с бабулей вышвырнут отсюда со свистом.

Мы спустились на огромную, сияющую хромом и белым мрамором кухню, чтобы проверить, как идёт подготовка к банкету. Там уже вовсю шуршал шеф-повар, с криками распекая своего помощника за неправильно нарезанную "сырные юбочки". Прелесть какая... Сырные юбочки!

— Так, Саш, смотри, — Нуся решительно похлопала меня по плечу, прерывая мои мысли, и достала из тонкий, дорогой планшет в кожаном чехле. — С персоналом я тебя сейчас познакомлю, тут как раз на кухне утренний сбор, но сначала посмотри сюда. Это твоё главное оружие.

Она ткнула пальцем в экран, и там открылась сложная интерактивная программа.

— Смотри, это интерфейс управления домом. Вот вкладка «Персонал». Здесь у тебя списки на сегодня. Тапаешь на имя и видишь зону ответственности на день и время. Горничные Марина и Света сегодня работают, шеф-повар Франсуа и его помощник Борька - здесь, на кухне. Три садовника отмечаются на воротах, их трекеры тоже тут. Если задача горит красным - значит, кто-то филонит, иди и давай нагоняй. Поняла?

Я сглотнула, глядя на замысловатую табличку с разными иконками. Выглядело это как пульт управления космическим кораблём.

— Примерно... — прошептала я.

— Отлично, а теперь... — Нуся повернулась к кухонному острову, где у огромных плит уже вовсю гремели кастрюлями повара, а у дверей переминались с ноги на ногу две девушки в одинаковых серых платьях с белыми фартуками как у меня. — Минутку внимания всем! Знакомьтесь, это Александра. Внучка Анны Степановны. На ближайшие два месяца она - исполняющая обязанности экономки. Все распоряжения Саши выполняются беспрекословно, отчёты о закупках и уборке - строго через неё.

Персонал синхронно повернулся в нашу сторону. Повар Франсуа - плотный мужчина, окинул меня оценивающим взглядом и потерял свои карикатурные кучерявые усики. Ну, ё-моё! Само собой... Как канонично... Ну какие же усики ещё иметь французу, правда? Шеф - француз... Так оригинально! Я как будто попала в дешманский роман! Горничные вежливо поздоровались, хотя в их глазах я отчётливо прочитала скепсис: «Прислали какую-то пигалицу нами командовать». Но открыто спорить с авторитетом Нуси и моей бабушки никто не рискнул. Вот и хорошо.

— Ну вот и познакомились, — тихо подмигнула мне Нуся. — Планшет держи при себе.

Не успели мы сделать и шага в сторону кладовой, как двери, ведущие из жилой зоны распахнулись. Из коридора, шаркая подошвами дорогих шлёпанцев, выплыло нечто.

Это была высокая, невероятно худая девушка в шёлковом халате цвета пыльной розы. На её лице белела густая тканевая маска с прорезями для глаз и губ, а на голове красовалась забавная чалма из махрового полотенца. Из-за маски её мимика казалась резиновой и застывшей, но высокомерие, буквально источаемое её фигурой, не смогла бы скрыть даже маска.

— М-м-м это что, новая любовница Владислава? — процедила она, изящно икнув. — Неплохо, неплохо. Старик держит марку, выбирает помоложе.

— Здравствуйте, Алина. — Без улыбки проговорила Нуся. Было видно, что девушка ей совсем не нравится. — Это наша экономка...

— Да мне пофиг... — небрежно махнула та рукой.

Пепельная блондинка взяла из двухкамерного холодильника холодную минералку без газа и уплыла обратно восвояси.

Я осталась стоять на месте, чувствуя, как у меня от такой наглости медленно закипает кровь. Нуся тут же сокрушённо вздохнула, схватила меня за локоть и увлекла в угол кухни, зашептав прямо на ухо:

— Ой, Сашенька, ради бога, не обращай ты внимания на эту дурную девку! Это Алина, пассия Игоря, сына Лазарева. Светская львица, прости господи, блогерша и инфлюэнсер. Вся Москва её знает. Она несколько лет в эскорте числилась, практиковала так называемый «яхтинг» - ну, это когда богатые папики вывозят красивых девок на яхтах покутить за деньги. Вот там она с Игорем и спуталась, окрутила парня... Сейчас строит из себя приличную модель. Но надо отдать ей должное - все косметические бренды от неё просто пищат, контракты миллионные подписывают из-за её идеальной кожи и волос. А она-то на внешности повёрнутая, круглые сутки то в масках, то на процедурах. Зато характер - дрянь, высокомерная, ленивая, но ты с ней просто не связывайся, целее будешь!

Не успела Нуся закончить свой экспресс-инструктаж по поводу рублёвской фауны, как на кухню вошёл тот, о ком только что шла речь. Сама судьба сегодня решила выдать мне комбо.

По лестнице небрежно спускался Игорь Лазарев. На нём были пижамные серые штаны, подчёркивающие его высокий рост, а голый, великолепно прокачанный рельефный торс прикрывал распахнутый халат из точно такой же дорогой серой ткани. От него приятно, свежо пахло ментолом, зубной пастой и дезодорантом, а каштановые волосы были ещё влажными после утреннего душа.

В ту же секунду на меня нахлынула такая бешеная лавина воспоминаний и эмоций, что в глазах на мгновение потемнело, а в груди спёрло дыхание. Я узнала его мгновенно, хоть он и чертовски, просто до неузнаваемости изменился. Куда делся тот угловатый, худой, прыщавый мальчуган с дурацкими брекетами, которого я помнила из детства? Передо мной стоял породистый, статный красавец с широким разворотом плеч, идеальной линией подбородка и уверенным, хозяйским взглядом мужчины, который знает себе цену.

— Нусь, привет, а где мой утренний протеиновый коктейль? — спросил он, проходя к холодильнику, но тут его взгляд случайно упал на меня. Игорь резко остановился. — Доброе утро. А вы?..

У меня окончательно перехватило дыхание. Воздух из лёгких просто испарился, я стояла как дура и не могла вымолвить ни единого слова, замороженно глядя на его безупречное лицо и серые, внимательные глаза. Какая же я дура, господи, соберись!

Нусе пришлось срочно спасать ситуацию. Она мягко улыбнулась и сделала шаг к нему:

— Игорь Владиславович, это Александра. Внучка Анны Степановны. Она временно приняла все дела и заменит её на посту экономки, пока Анна Степановна в больнице.

Игорь буквально открыл рот от изумления. Его брови взлетели вверх, а в глазах вспыхнул искренний, неподдельный интерес.

— Ты?! Сашка?! — он сделал два быстрых шага ко мне, внимательно, с ног до головы вглядываясь в мои черты. — Да ладно! Ого! Какая ты... Я ж до сих пор помню, как ты меня за руку со всей дури грызнула, когда я не захотел делиться с тобой фигуркой Супермена! С ума сойти, Саш, я бы тебя ни за что в жизни не узнал. Ты так изменилась. Выросла. Настоящая красавица.

Он улыбнулся. И улыбнулся тепло, открыто, совершенно без высокомерия и пафоса, которых я подсознательно ждала от избалованной рублёвской золотой молодежи. Но тут же его лицо посерьёзнело, а в голосе проступили мягкие, сочувственные нотки:

— Саш, я искренне, от всей души сочувствую по поводу Анны Степановны. Это ужасный случай. Она ведь для меня как бабушка, как родная

И тут же внутри меня от этих приторных слов мгновенно вскипела глухая, яростная, обжигающая злость.

— *Ах ты ж лицемерная скотина!* — пронеслось в голове. Как родная?! Если она для вас как родная, какого фига твой личный цербер и управляющий Аркадий вчера звонил мне и прямым текстом угрожал вышвырнуть её метлой поганой, если я не подпишу этот кабальный контракт и не выйду работать?!

И тут же меня снова обожгла та самая мысль, которая не давала мне покоя с самого утра: стоп, если они такие жестокие и расчётливые, то кто тогда пожертвовал те огромные деньги на экстренную операцию? Ответ упорно не сходился с реальностью. Но устраивать скандал и выяснять отношения в первый же рабочий день было нельзя - на кону стояло слишком много. Я изо всех сил сжала зубы, подавляя вспышку гнева, заставила себя нацепить вежливую маску и лишь холодно кивнула Игорю:

— Спасибо, Игорь Владиславович. Я ценю ваши слова. А теперь, извините, мне нужно работать, дел очень много.

Игорь непонимающе посмотрел на меня, в его глазах промелькнуло удивление от моей внезапной холодности. Ну а что он ожидал?! Что я буду с ним фамиллярничать и тоже на "ты" обращаться? Нет. Не получится. Мы с ним боле не друзья... Прошли те времена и давно прошли. Он отошёл к кухонному острову, а я поспешила скрыться в коридоре. Но странное чувство - моё сердце просто как бешеное билось...

— Сашка! — Догнала меня Нуся.

— М?

— Саш... — Женщина замялась, посмотрела в сторону кухни, а потом бросила на меня укоризненный взгляд. — Впредь общайся с хозяевами хотя бы с дежурной улыбкой, хорошо? Всё-таки работодатели наши... Не чужие уж люди!

— Что-то ты, Нуся, не шибко Алине улыбалась...

— Это да... Но она мне и не хозяйка! — Нуся сделала смешную мину, и я чуть не расхохоталась.

Но расслабляться было некогда, время поджимало, и я с головой зарылась в свои новые обязанности, стараясь доказать самой себе, что справлюсь. На правах экономки я быстро распределила горничных по этажам и пошла лично проверять готовность VIP-зон особняка к приезду старших Лазаревых и их гостей. Поблажек себе давать нельзя - малейший косяк, и Аркадий сожрёт меня живьём. Спасибо Нусе, что таскалась со мной везде и помогала как могла... Без неё я бы точно пропала.

Первым делом я поднялась на верхнюю открытую террасу, где располагалась огромная спа-зона. Мне нужно было лично проверить, подготовлено ли джакузи для Алисы Игоревны (жены старшего Лазарева) и самого Владислава Николаевича. Бабушка в своих записях отдельно отмечала этот пункт: температура воды в джакузи к моменту их приезда должна быть строго 35 градусов, ни больше, ни меньше. Писец просто. Мне б их проблемы. Алиса Лазарева была помещана на быути-протоколах и устраивала дикие скандалы, если вода была слишком горячей. Типа это старит кожу. А я вот лично кайфую от забористого кипятка! Но всё же призадумалась... Я подошла к сенсорной панели «умного дома», встроенной в мраморный бортик. Так, автоматика выдавала 40 градусов. Пришлось настраивать температуру, её поддержку и ждать, пока система выровняет её, попутно проверяя чистоту свежих белоснежных полотенец, разложенных на шезлонгах. Снова спасибо Нусе, я совсем не смыслила в этих электронных штучках.

Убедившись, что на террасе всё идеально, я бегом спустилась в сад. Солнце уже припекало вовсю. Мне нужно было проконтролировать работу садовников. Повар передал, что для банкета потребуется крытый гриль - мангал, установленный в беседке, гости пожелаю блюда на углях. Я нашла рабочих у хозблока, проверила, вычищен ли мангал до блеска, заготовлены ли специальные фруктовые дрова и премиальный уголь. Садовники вяло огрызались, но под моим строгим взглядом быстро зашевелились. М-да, всё же какие-то вещи передаются по крови...

Напоследок я отправилась к самой важной точке сегодняшнего дня - к огромной беседке из тёмного дерева, расположенной в тени сосен. Первоначально хозяева планировали парадный обед в столовой, но в последний момент Владислав Николаевич переиграл всё, пожелав провести встречу на свежем воздухе. Здесь уже заканчивали сервировку. Я придирчиво осмотрела длинный стол: льняная скатерть лежала идеально ровно, приборы из серебра блестели, а хрустальные бокалы были выстроены как солдаты на параде.

Ровно в двенадцать часов дня тишину рублёвского поместья нарушил рокот мощного мотора. К главным воротам, плавно шурша шинами по гравию, подкатил роскошный длинный «Майбах» угольно-чёрного цвета.

Сердце внутри меня сделало бешеный кульбит и ударилось о грудную клетку. Из машины с водителем вышли полноправные хозяева этого маленького закрытого государства. Владислав Николаевич Лазарев - представительный, импозантный мужчина с благородной сединой на висках, от одного взгляда которого веяло непререкаемой властью и миллиардными оборотами бизнеса. И его супруга Алиса Игоревна - ухоженная до кончиков ногтей, но заносчивая женщина в элегантном светлом костюме. Лицо у Аи - теперь я буду называть её так, выглядело так, будто ей говна на лопате подсунули... Она как-то по-крысиному топорщила скулы и брыли.

Мы с Нусей уже стояли у парадного входа, вытянувшись по струнке, как полагается персоналу. Наше столкновение взглядами с Алисой произошло мгновенно. Она посмотрела на меня в упор... её взгляд был ледяным, колючим и оценивающим. После того как она меня

увидела, окрысилась ещё больше! Она прошла своим гнусным взглядом по моей фигуре, по волосам, и в этих глазах плескалось столько недовольства тем, что вместо привычной и покорной Анны Степановны перед ней стоит какая-то молодая девчонка... Ууу, вы бы только видели! Я прям ощутила себя помойкой на ножках... Очень неприятный взгляд, но улыбку мне из себя вымучить пришлось. Не буду же я огрызаться на кормящую руку.

Нуся сделала полшага вперёд, вежливо склонив голову в полупоклоне:

— Владислав Николаевич, Алиса Игоревна, добро пожаловать домой. Позвольте представить вам Александру, внучку Анны Степановны. Она временно приняла все дела и будет управлять домом, пока Анна Степановна на реабилитации.

Я внутренне сжалась, приготовившись к ледяному игнору или сухому кивку, но произошло то, что полностью выбило почву у меня из-под ног.

Владислав Николаевич вдруг остановился, перевёл взгляд на меня, и его строгое лицо неожиданно смягчилось. Он сделал шаг мне навстречу, протянул свою огромную руку, мягко, но очень крепко сжал мои дрожащие пальцы и посмотрел мне прямо в глаза с глубоким, искренним сочувствием.

— Александра, здравствуйте. Примите мои самые глубокие соболезнования по поводу этого ужасного несчастного случая с Анной Степановной, — его раскатистый, бархатный баритон звучал весомо и удивительно человечно. — Но вы, деточка, главное - не волнуйтесь и ни о чем не переживайте. Я уже оплатил её экстренную операцию и уже забронировали для неё лучший реабилитационный центр в Подмоскowie. Анна Степановна отдала нашему особняку четверть века, она для нас не просто персонал, мы своих в беде не бросаем! Я буду очень ждать, пока она поправится и вернётся к нашей семье! И я надеюсь, что вам у нас понравится. Нуся и ребята будут вам помогать!

У меня челюсть едва не вывалилась на ступеньки. В мыслях воцарился такой хаос, что я на секунду позабыла, как дышать. Мартышка с блинами начала колбасить на полную мощность, а потом через секунду до меня дошло. *Он* оплатил?! ОН?! Владислав Николаевич сделал это добровольно, по велению души, считая бабушку чуть ли не членом семьи?!

Я на автопилоте скользнула взглядом чуть в сторону, за плечо старшего Лазарева. Там, чуть позади четы хозяев, прямо рядом с уже вовсю ревнующей Алисой Игоревной стоял управляющий Аркадий Валерьевич. В руках он покорно и бережно держал раскрытый солнцезащитный зонтик, закрывая хозяйку от полуденных лучей.

Поймав мой ошарашенный, дикий взгляд, Аркадий Валерьевич вдруг как-то странно, неловко переступил с ноги на ногу. Его лицо на мгновение пошло бледными пятнами, а по лбу скатилась капля пота. Он быстро метнул взгляд от меня к Владиславу Николаевичу, а затем обратно, словно умоляя меня молчать. В этом одном мимолётном движении глаз читался страх быть пойманным с поличным. Сама же Алиса в этот момент лишь демонстративно поджала свои идеально накрашенные губы и высокомерно отвернулась.

И тут внутри меня перевернулся весь мир. Пазл с грохотом сложился, явив изнанку мерзкой кулуарной рублёвской интриги.

Владислав Николаевич вообще не знал, что его помощник устроил мне телефонный террор! Шеф просто по-человечески, благородно оплатил экстренную операцию своей преданной экономке. А вот Аркадий Аркадий вчера намеренно разыграл передо мной жёсткого цербера. Он шантажировал меня и выставил этот ультиматум с одной целью - заставить меня выйти на работу *немедленно*. Но зачем? Не понятно...

Пока в моей голове с грохотом рушились старые догадки и выстраивались новые, пугающие логические цепочки, я заставила себя держать лицо. С потрохами сдавать Аркадия сейчас было нельзя - мы в одной лодке, получается? Или я навывдумывала? Я изо всех сил сжала кулаки за спиной, чтобы унять дрожь, тяжело выдохнула и через силу выдавила из себя вежливую, но искреннюю фразу, глядя прямо на старшего Лазарева:

— Спасибо вам огромное, Владислав Николаевич Спасибо за вашу безграничную доброту и щедрость. Моя семья этого никогда не забудет.

Аркадий Валерьевич, кажется, едва слышно выдохнул и незаметно оттер платком пот со лба.

Владислав Николаевич благосклонно, по-отцовски улыбнулся, мягко похлопал меня по плечу и тепло добавил, направляясь к дому:

— И тебе спасибо, Сашенька, что не подвела, проявила характер и заняла место бабушки в такой сложный для всех нас момент. Ну, веди, показывай, как там наш обед в беседке? Гости вот-вот с минуты на минуту приедут, всё должно быть на высшем уровне.

Глава 5: Пакт о ненападении.

Как только Нуся повела чету вводить в курс дела, напряжение, повисшее над гравийной дорожкой, стусилось до консистенции дёгтя. Садовники, до этого испуганно изображавшие бурную деятельность у кустов штамбовых роз, мгновенно испарились. А я на секунду осталась один на один с главным кукловодом этого цирка.

Аркадий Валерьевич опустил солнцезащитный зонтик. Весь его покорный, согбенный вид верного слуги слетел за долю секунды, уступив место уверенности топ-менеджера. Он достал из кармана безупречно отутюженного пиджака белоснежный платок, неторопливо промакнул лоб, на котором всё ещё поблескивали капли пота, и только после этого посмотрел на меня.

— Ну, полно тебе, Александра, — негромко, но поразительно чётко произнёс он, аккуратно складывая платок пополам. — Не смотри на меня так, словно я у тебя последнюю копейку отобрал. Твоя бабушка в лучшей палате, её кости собирает профессор медицины, а не коновал по ОМС. Ты должна мне в ноги поклониться за то, как оперативно всё решилось...

Я аж прифигела от таких речей. Вся паника, сковывавшая меня последние два часа, испарилась, уступив место ярости. Я сделала шаг, чувствуя, как под каблуками дешёвых туфель хрустит гравий.

— Поклониться? — процедила я сквозь зубы, изо всех сил стараясь говорить тихо, чтобы голос не долетел до открытых окон второго этажа. — Вы по телефону смешали меня с грязью. Вы угрожали выбросить мою бабушку на улицу, зная, что Владислав Николаевич *уже* всё оплатил! Вы ввали мне, глядя в глаза, Аркадий Валерьевич! Шантажировали меня! Это, по-вашему, называется «оперативно решилось»?

Аркадий даже не поморщился. Зато на его губах появилась тонкая, едва заметная, почти жалостливая ухмылка. Так смотрят на детей.

— Я не врал тебе, Александра. Я лишь сместил акценты, — он сделал шаг навстречу, и его голос упал до едва различимого шёпота, от которого у меня поползли мурашки по спине. — А теперь включи свои мозги и послушай, как устроен этот мир, раз уж ты решила поиграть во взрослую жизнь. Владислав Николаевич - святой человек. Он знает цену добру, он благороден, он оплатил операцию Анне Степановне в ту же секунду, как узнал о беде. Но Владислав Николаевич бывает в этом доме от силы два дня в неделю. А то и реже. И в остальное время здесь безраздельно властвует Алиса Игоревна...

Он выразительно посмотрел на окна особняка и продолжил, чеканя каждое слово:

— Знаешь, что произошло бы, если бы я не прижал тебя к стене? Если бы я не заставил тебя выйти сюда сегодня в семь утра? Я тебе скажу. Ещё вчера вечером Алиса Игоревна пригласила бы сюда Тамару - подругу своей дражайшей матушки. Склонную, хапучую бабу! И к сегодняшнему полудню место экономки было бы занято уже не тобой.

Аркадий подошёл ещё ближе, я уловила дорогой запах его парфюма с нотками табака.

— И как только толстозадая, прошу простить мне мой французский, Тамара влезла в твою форму, — тихо продолжил управляющий, — твоя бабушка была бы уволена «по состоянию здоровья». Автоматически. Нусю вышвырнули бы на следующий день, повара Франсуа заменили бы на какого-нибудь кулинарного блогера из подписок хозяйки, а весь этот дом превратился бы в клоаку. Я защищал интересы Владислава Николаевича. И, как ни странно, твоей бабушки. Мне нужен был свой, проверенный, лояльный человек на этой позиции. Человек, который не станет воровать серебряные ложки и сливать компромат на шефа жёлтой прессы. Ты - идеальный кандидат. Внучка Анны Степановны, девочка с хорошей историей и понятной мотивацией.

— И поэтому нужно было действовать как бандит из девяностых? — я упрямо вскинула подбородок, хотя внутри меня его слова, как это ни парадоксально, отзывались горькой, железной логикой. Пазл, который сложился у меня в голове при хозяевах, теперь обретал пугающие, осязаемые детали.

— Времени на сантименты и уговоры у меня не было, — сухо отрезал Аркадий, пряча платок обратно в карман. — Если бы я начал плакаться тебе в трубку и просить «Сашенька, выручай», ты бы нашла тысячу отговорок. У тебя сессия, у тебя подружки, у тебя лето. А так — ты здесь. Моя задача выполнена. Шеф доволен, место сохранено за вашей семьёй, Алиса Игоревна кусает локти от злости, но сделать ничего не может! Что сделано, то сделано. Тем более, ты одобрена хозяином дома.

Он замолчал, внимательно глядя в моё лицо, словно прощупывая глубину моего сопротивления.

— Ну так что, Александра? — спросил он, протягивая руку ладонью вверх, словно предлагая сделку. — Будем дальше губы дуть и изображать оскорблённую невинность, или приемом правила игры? Будешь работать идеально, я стану твоим лучшим другом, прикрою перед хозяйкой, помогу с чем смогу и выплачу тебе такие премиальные по итогам лета, что ты сможешь закрыть ипотеку или что там у вас, простых людей, сейчас в приоритете. Что скажешь?

Я смотрела на его протянутую ладонь. Внутри всё клокотало от унижения — меня разыграли втёмную, использовали как пешку в чужой войне, а теперь предлагали за это деньги. Но, господи, как же он был прав в одном: мне нужны эти деньги. Я всё равно бы пошла на подработку летом, снова делать ногти в салон красоты... А тут побольше заплатят хотя бы, и ба место не потеряет... Хотя о чём я думаю? Хватает же мне совести ещё и думать, что бабуля будет работать после таких-то травм! Эх. Моя гордость сейчас стоила ровно ноль рублей ноль копеек. Если я развернусь и уйду — я подставлю бабушку, подставлю Нусю, но если останусь — то этот рублёвский улей сожрёт нас и не поморщится.

Я через силу протянула руку и коротко, чисто символически пожала его сухие, холодные пальцы.

— Я остаюсь ради бабушки, — тихо, но твёрдо сказала я. — Но не думайте, Аркадий Валерьевич, что я забыла тот звонок.

— И прекрасно, — Аркадий удовлетворённо кивнул, его глаза на секунду блеснули торжеством. — Память — отличный инструмент для работы. А теперь марш на кухню, Александра. Гости будут с минуты на минуту, а у Франсуа, как мне доложили, опять экзистенциальный кризис из-за нарезки сыра. Иди и покажи, чего ты стоишь, пока Алиса Игоревна не нашла повод смешать тебя с придорожной пылью.

Стоило мне толкнуть маятниковую дверь кухонного блока, как на меня обрушился оглушительный грохот посуды, шипение раскалённого масла и густой, приторно-сладкий запах запекаемого мяса в маринаде.

В эпицентре, раскинув руки в стороны, стоял Франсуа. Его белоснежный китель был расстёгнут на верхние пуговицы, а карикатурно-кучерявые усики на кончиках буквально подрагивали от негодования. Перед ним, втянув голову в плечи и судорожно сжимая в руках металлический нож для карвинга, стоял бледный помощник Борька.

— Это не юбочки! — гремел Франсуа на всю кухню, мешая французские ругательства с отборным русским матом. Господи... Да сколько можно?! Реально что ли он так завёлся?! — Мизерабль! Это порнография! Я просил тончайшее, воздушное кружево из пармезана для конфитюра, а ты нарезал мне бревна для плотины! Сакраблё! Владислав Николаевич будет есть это и думать, что я нанял на кухню тракториста!

— Франсуа, но сыр крошится... — пискнул было Борька, пятясь назад к огромному двухкамерному холодильнику.

— У безручо всё крошится! Убирайся с моих глаз, паршивец! Мерд!

Так, разговаривает он довольно интересно, скажу я вам... Надо стрелкнуть парочку фраз у него. Буду потом девчонок стращать.

Горничные Марина и Света, забившись в самый дальний угол у посудомоечной машины, испуганно переглядывались. Нуся стояла чуть в стороне, растерянно перебирая пальцами край фартука - даже её многолетний авторитет пасовал перед творческими истериками шефа, когда на кону стоял престиж званого обеда. Так, Саша, стоп. Вспоминай, что там ба иногда говорила? «Повара на Рублёвке - это капризные примадонны, Сашенька. На них нельзя орать, их нельзя увольнять посреди банкета, их нужно брать на понт или гладить по шёрстке». Интересно, если я его ушки поглажу, он мне руки отобьёт?

Я сделала глубокий вдох, нацепила на лицо самую уверенную, деловую маску, на какую только была способна, но со стороны, наверное, это выглядело будто у меня запор, и решительно приблизилась к кухонному островку. Планшет я демонстративно зажала под мышкой.

— Франсуа! — Гаркнула я, перекрывая шкворчание сотейников. Чёрт! Не так начала!

Зато шеф-повар резко обернулся. Его оценивающий взгляд прошёлся по моей молодой фигуре, наткнулся на серую форму экономки, и усы недовольно опустились.

— О, новая! — процедил он с сильным, явно наигранным французским акцентом, который он использовал для пущей солидности перед хозяевами. Наверное, он хотел сказать "новенькая". — Вы пришли сказать, что я должен кормить гостей брёвнами вашего Борьки? Анна Степановна никогда не пускала на мою кухню дилетантов!

— Анна Степановна сейчас в больнице, Франсуа, — спокойно ответила я, подходя вплотную к столу, где на огромном деревянном плато лежали истерзанные куски дорогого сыра. — И она всегда говорила мне, что ваша кухня - это сердце этого дома. А вы - его главный хирург. Так почему у хирурга на операционном столе паника за пятнадцать минут до приезда гостей?

Франсуа на секунду поперхнулся воздухом. Его кучерявые усики дрогнули. Борька из-за его спины посмотрел на меня как на камикадзе, которая добровольно прыгнула в пасть льву.

— Паника?! У меня?! — шеф прижал ладонь к груди. — Да этот идиот

— С Борькой мы разберёмся позже, и попрошу не оскорблять вашего подчинённого - это некрасиво, — жёстко перебила я, переводя взгляд на притихшего помощника. — Борис, отложи нож. Возьми соковыжималку и приготовь соки.

Борька, словно получив амнистию на эшафоте, судорожно кивнул, бросил нож и метнулся в другой конец кухни к блендеру.

Я снова повернулась к Франсуа. Тот смотрел на меня уже с явным любопытством, скрепив руки на груди.

— Франсуа, давайте начистоту, — я понизила голос, делая шаг к нему, чтобы горничные нас не слышали. — Вот-вот придут дорогие гости. Я не знаю, кто они... Но могу предположить, что это люди жёсткие, голодные и уставшие с дороги. Если на столе не будет вашего фирменного конфитюра с идеальными пармезановыми юбочками, Алиса Игоревна устроит скандал. И виноватым в глазах шефа будет не Борька. Виноваты будем мы с вами. Вы - потому что не сделали, я - потому что не проконтролировала. Вам нужны проблемы? Мне - нет. Чем я могу вам помочь прямо сейчас, чтобы спасти лицо?

Шеф-повар молчал несколько секунд, разглядывая меня своими круглыми, тёмными глазами. Вся его напускная спесь медленно сползала, обнажая обычный страх перфекциониста перед возможным провалом. Он поправил воротник кителя и уже нормальным, почти без акцента, басом глухо произнёс:

— Сыр слишком свежий. Партия приехала утренняя, он не успел дойти до нужной температуры, поэтому крошится под ножом этого криворукого. Мне нужен специальный слайсер для твердых сортов, японский, с лазерной заточкой. Он лежит в дальней кладовой, в коробке на самой верхней полке.

— Боря! — я тут же обернулась к бедному пареньку. — Пожалуйста, принеси этот слайсер...

— Уже бегу, — он облегченно улыбнулся и пулей выскочил из кухни.

И не мог он бедному Борьке это подсказать что ли изначально? Здесь какой-то клубок змей... Все друг друга жалят!

— А вы, девочки, — я посмотрела на Марину и Свету, которые всё еще изображали детали интерьера у раковины. — Салфетки выложены? Запасные бокалы натёрты?

— Мы почти закончили, Александра, — ответила Марина.

— Не «почти», а бегом в беседку. И проверьте ещё разок, чтобы на хрустале не было ни одного отпечатка пальцев. Солнце сегодня яркое, Алиса Игоревна увидит любое пятнышко и вздрючит нас, ой простите, сделает выговор...

Девушки тут же заулыбались и схватили подносы с текстильными салфетками и испарились через стеклянную дверь, ведущую в сад. А Нуся одобрительно показала большой палец, подавляя смех.

Через минуту вернулся Борька, боязливо протягивая Франсуа длинный деревянный футляр. Шеф-повар извлёк хищно поблёскивающее стальное лезвие и сделал пробное движение по куску пармезана. На мраморную доску плавно, без единого надлома опустилась тончайшая, полупрозрачная, идеально скрученная сырная лента. Настоящая кружевная юбочка.

— Манифик! — выдохнул он, победно посмотрев на меня. — Александра, беру свои слова обратно. У вас есть характер вашей бабушки. Анне Степановне повезло с преемницей. Борька! Иди сюда, дубина, смотри, как надо работать!

Я почувствовала, как со лба скатилась невидимая капля пота, а в груди немного отпустило. Первый кухонный бунт был подавлен. Но расслабляться было рано. На экране планшета, который я держала в руках, загорелся новый, тревожный значок. Система «умного дома» показывала, что температура на верхней террасе в джакузи Аи стремительно ползла вверх, перевалив за критические 45 градусов.

— Нуся, я на террасу, — шепнула я, передавая ей планшет на секунду. — Присмотри тут за Франсуа, чтобы он Борьку окончательно не прибил.

— Лети, Сашуль, лети, я подстрахую, — тихо подмигнула мне женщина.

Я развернулась и поспешила к лифту для персонала, понимая, что это были лишь цветочки. Настоящие ягодки рублёвской жизни ждали меня впереди.

Двери служебного лифта открылись на третьем этаже, и мне в лицо сразу ударил влажный, горячий воздух, густо перемешанный с ароматом дорогого марокканского арганового масла.

Верхняя терраса особняка Лазаревых была настоящим произведением архитектурного искусства: панорамное остекление в пол, полы из тикового дерева, которое обычно используют на палубах океанских яхт, и раскинувшееся в центре круглое джакузи из цельного куска дымчатого кварца. Вода в нём сейчас бурлила и над ней поднимался плотный, красноречивый пар.

Я подбежала к сенсорной панели «умного дома», врезанной в стену рядом с шезлонгами. Цифры на экране горели тревожным оранжевым цветом: 49°C.

— Это ещё как? — зашептала я, судорожно тыкая пальцем в экран.

Я принялась лихорадочно листать вкладки меню. Логика интерфейса, напоминающая пульт управления адронным коллайдером, упорно сопротивлялась моему мозгу. Нажатие на кнопку «Охлаждение» ни к чему не привело - система выдала ошибку: *«Внимание: заблокировано протоколом быти-режима "Алиса"»*.

— Да какого хрена?! — вслух выругалась я, вытирая тыльной стороной ладони пот, выступивший на лбу. Форма экономки из плотной ткани сейчас казалась мне настоящим скафандром. — Каким еще протоколом?

Оказалось, Алиса Игоревна накануне вручную выставила подогрев «погорячее» для своего вечернего релакса, а автоматика намертво запомнила команду. Если она поднимется сюда через полчаса и увидит этот хаммам, который, по её мнению, «разрушает гиалуроновую кислоту в клетках и провоцирует купероз», мне несдобровать. Аркадий пальцем не пошевелит, чтобы меня защитить, если я завалю базовый чек-лист.

Закусив губу, я заставила себя выдохнуть. Так, Саша, ты архитектор, ты защитила проект сложнейшего жилого комплекса с подземной парковкой, неужели ты не справишься с тупой гидромассажной ванной для богатых бездельников?

Я вошла в инженерное подменю, ввела стандартный гостевой пароль, который Нуся мимоходом назвала на кухне, и сбросила настройки до заводских. Экран моргнул. Загудели скрытые в стенах мощные насосы, и в чашу джакузи с тихим шипением хлынула ледяная, отфильтрованная вода. Цифры на панели медленно, по десятым долям градуса, поползли вниз:

39.4 39.1 38.5

— Есть! — тихо победно пискнула я, готовая станцевать победный танец.

— Неплохо для новенькой, — раздался сзади неприятный девичий голос.

Я вздрогнула и резко обернулась. Из тени раскидистой пальмы, где стоял скрытый массажный стол, неторопливо выплыло то самое «нечто», которое я пару минут назад видела на кухне. Алина. Пассия Игоря.

Сейчас на ней не было халата, она осталась в крошечном, едва заметном бикини оттенка металлик, выгодно подчёркивающим её неестественную худобу и идеальный автозагар. Тканевую маску с лица она уже сняла, и теперь я могла рассмотреть её лицо: точёные, явно переделанные хирургом скулы, пухлые, зацелованные губы и абсолютно пустые, холодные глаза цвета северного неба. На голове всё так же забавно высилась чалма из полотенца.

Она держала в руке запотевший стакан с детокс-соком и смотрела на меня так, словно я была говном на подошве. Ну, или назойливым насекомым.

— Я уж думала, Анна Степановна тут на века прописалась, — Алина сделала маленький глоток через стеклянную трубочку, изящно отставив мизинец с безупречным французским маникюром. — А теперь за неё малолетка. Ты хоть знаешь, сколько стоит этот кварц? Если ты своими кривыми ручонками поломаешь его, твой папик вычтет это из твоей зарплаты за следующие десять лет.

Внутри меня снова заворочалась та самая ярость, которую я так старательно глушила после разговора с Аркадием. «Твой папик»? Это на что она намекает, чучело эскортное? На то, что я попала сюда через постель хозяина, как это принято в её кругу общения?

Я выпрямила спину, поправила бело-синий фартук и посмотрела Алине прямо в глаза. Мой взгляд, вопреки внутреннему тремору, был ледяным.

— Система настроена строго по регламенту, Алина, — спокойно, ответила я, подавляя жгучее желание нащёлкать ей в хлебало. — А за сохранность оборудования вы можете не переживать - я кое-что смыслю в подобных вещах.

Алина подавилась соком. Её идеальные брови-брежневские гусеницы удивлённо взлетели вверх. Она явно не привыкла, чтобы obsluga разговаривала с ней в таком тоне.

— Хамишь? — её голос мгновенно утратил томность, став тонким и злым. — Ты смотри у меня, Щавелева или как тебя там. Одно моё слово Игорю, и ты вылетишь отсюда со своей дырявой трудовой книжкой. Нашлась тут умница в фартуке.

— Если у вас нет ко мне вопросов по поводу чистоты полотенца или работы горничных, я вынуждена вас покинуть. У нас банкет через десять минут. Доброго дня.

Я развернулась и зашагала к лифту, кожей чувствуя, как взгляд Алины прожигает мне лопатки. О да, я только что нажила себе кровного врага в этом доме. Но, видит бог, пресмыкаться перед девицей, которая ещё год назад отработывала «яхтинг» на средиземноморских курортах, я не собиралась.

Двери лифта закрылись, и я наконец позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось как бешеное.

— 3:0 на табло, Савельева, — прошептала я сама себе, глядя на своё бледное отражение в зеркальной стене лифта. — Кухню отстояла, джакузи починила, эскортницу на место поставила. Главное - не сломаться, когда приедет делегация.

Я спустилась на первый этаж и поспешила к главному входу. Владислав Николаевич вместе с Аркадием уже стояли на массивном крыльце. Хозяин, заложив руки за спину, внимательно всматривался в сторону автоматических ворот. Из дома также выплыли Алиса Игоревна с одетой Алиной, а следом шёл Игорь, на ходу допивая какой-то коктейль. Персонал (я, Нуся, Марина и Света) выстроились чуть поодаль, готовые изображать идеальный сервис.

Ровно в 13:00 тишину Рублёвского улья разорвал целый оркестр дорогих автомобильных моторов. Кованные створки ворот разошлись, и на территорию особняка начала вкатываться настоящая выставка роскоши.

Впереди шёл массивный, матово-чёрный Bentley Bentayga, за ним - приземистый, хищный Porsche Panamera, а замыкал кавалькаду белоснежный представительский Mercedes-Maybach. Шины авто премиального класса ехали по элитному гравию, поднимая едва заметные облачка пыли, которые тут же растворялись в знойном воздухе. Из машин сопровождения синхронно высыпали охранники, блокируя периметр.

— О, тяжелая артиллерия прибыла, — негромко усмехнулся Игорь, передавая мне пустой стакан из-под коктейля. Я перехватила его одними пальцами, офигевая глядя на парня. А потом вспомнила - ах, да! Я ж прислуга!

Владислав Николаевич широко улыбнулся и лично сошёл с крыльца навстречу гостям, раскинув руки для приветствия. Из Бентли выбрался грузный мужчина в безупречном летнем костюме, а за ним из других машин потянулись остальные партнёры со своими обвешанными бриллиантами спутницами.

— Влад, дорогой! Ну и жара у вас тут, в Москве! — громогласно забасил первый гость, пожимая руку Лазареву-старшему.

— Для этого у меня в доме и беседке всегда правильный климат, заходите, — Лазарев похозяйски похлопал его по плечу и обернулся к нам. — Аркадий, команду! Гости с дороги, все голодные. Франсуа пусть немедленно отдаёт холодные закуски. Александра, бокалы не должны пустовать ни секунды!

— Всё будет сделано, Владислав Николаевич, — Аркадий кивнул мне, и вся наша служебная машина пришла в движение.

Но Алиса Игоревна не была бы собой, если бы упустила шанс уколоть меня прямо сейчас, пока мужчины обменивались приветствиями. Проходя мимо меня под руку со своей очевидно любимицей Алиной (что было странно, ведь Алина совершенно не лестно отзывалась о Лазареве - старшем. Хотя что тут странного? Может, Алиса с ней как раз солидарна. Она с ним явно не по большой любви, а из-за большого кошелька), она притормозила на секунду. Её подведённые глаза хищно сузились.

— Посмотрим, Александра, как твоё высшее образование поможет тебе не опозорить нас перед министерскими гостями, — тихо, со змеиным шипением бросила Аи. — На банкете я буду следить за каждым твоим шагом. Ошибёшься хоть в чём-то и вылетишь отсюда вместе со своей бабкой. Алина, дорогая, пойдём, покажем гостям беседку.

Алина мазнула по мне торжествующим взглядом и, приторно улыбаясь, зашагала следом за хозяйкой.

Колени у меня затряслись, но я лишь крепче сжала планшет. Как же неприятно, всё-таки. Вот неужели в реальности такие люди существуют? Я бы ни за что не поверила, если бы лично не столкнулась!

К двум часам дня воздух в саду раскалился до предела, но в огромной беседке из тёмного неоклассического дерева, окружённой аккуратными соснами, царила приятная прохлада. Мощные скрытые сплит-системы, замаскированные под элементы декора, работали на полную мощность - этот узел на планшете я проверила лично три раза.

Гости Владислава Николаевича уже сидели за столом. Рокот их сытых, уверенных голосов смешивался со звоном хрустала и приглушённым джазом из динамиков.

Я стояла у входа в беседку, за тенью раскидистой туи, превратившись в бдительную тень. Моя задача была невидимой, но тотальной: координировать горничных. Прислужка - ассасин, блин! Бедные Светка и Марина гоняли туда-сюда без продыху, вовремя убирали пустые тарелки, подносили закуски от Франсуа, который после утреннего кризиса выдавал кулинарные шедевры один за другим. Сам шеф лично выходил к мангалу, картинно подкручивая усы перед друзьями шефа, и те благосклонно и увлечённо общались с ним.

Всё шло идеально и это меня пугало. Ведь по моему опыту... если всё идёт как надо, то потом всё полетит через жопу!

— Александра, — раздался протяжный голос Алисы Игоревны.

Я внутренне подобралась, сделала глубокий вдох и плавным, бесшумным шагом приблизилась к хозяйке.

— Да, Алиса Игоревна?

Аи сидела во главе стола рядом с благоверным, небрежно поигрывая массивным золотым кольцом на указательном пальце. А по правую руку от Игоря восседала Алина. На её губах блуждала змеиная, предвкушающая улыбочка, которую я заметила ещё при парковке гостей.

— Александра, наши гости недовольны белым вином, — громко, так, чтобы услышали все за столом, заявила Аи. Разговоры тут же притихли. Владислав Николаевич прервал беседу с коллегой и удивлённо поднял бровь. — Шардоне слишком тёплое... Пить просто невозможно. Почему я должна делать тебе замечания при гостях?

Я бросила быстрый взгляд на бокал одного из инвесторов - на тонком стекле едва заметно проступала благородная испарина. А она бывает только от перепада температур. Вино было идеальным. Но спорить сейчас, при гостях - это совершить харакири.

— Приношу извинения, Алиса Игоревна. Я немедленно всё проверю и заменю бутылки, — вежливо наклонила я голову.

— Поторопись. И принеси из погреба бутылку *Montrachet 2018 года*. Игорь пьёт только его, а твои девицы подали какую-то кислятину, — подлила масла в огонь Алина, капризно надув губы и прижимаясь к плечу Игоря. Игорь при этом слегка поморщился, но промолчал, не желая устраивать семейные разборки при партнёрах отца.

Ух, блин! Чего мне только стоило не вылить "эту кислятину" им на головы. Вы бы знали! Я просто в шоке от своего самообладания. Нет, надо спросить, что бабуля пьёт для крепких нервов. Я прям из последних тяну этих клуш!

Я поспешила к дому. Спустившись в подвальный этаж, где располагался винный погреб, я приложила карту-пропуск к электронному замку. Внутри пахло дубом и баснословными деньгами. Деньги пахнут! Пахнут и ещё как! На дисплее климат-контроля погреба горели чёткие 7°C. Аи просто издевалась, прощупывала мои границы и пыталась выставить душой перед гостями.

Я отыскала на стеллаже нужную бутылку *Montrachet*, бережно обернула её белоснежным полотенцем, как делали это девчонки - благо хоть я додумалась подсмотреть, и поднялась обратно в сад. Ноги в туфлях уже начинали поднывать, но я держала спину ровно.

Когда я вернулась в беседку, Света как раз разливала гостям свежий сорбет. Я бесшумно подошла к Игорю со стороны левого плеча, чтобы продемонстрировать этикетку вина.

— Ваше вино, Игорь Владиславович, — почему-то робко произнесла я, слегка наклонившись и встретившись с его взглядом, от которого у меня защекотало внизу живота. А это ещё что за реакции?!

— Спасибо, Саш, — ответил он, по-доброму смотря на меня. Было так странно. Знаете, действительно странно. Аи и Алина смотрели на меня колючками... И наткнуться на вот такой вдруг добрый взгляд...

Этого мимолётного контакта Алина вынести не смогла. Её лицо на мгновение перекосило от вспышки ревности. Стоило мне выпрямиться и сделать шаг назад, чтобы передать бутылку Свете для розлива, как Алина резко, словно случайно, взмахнула рукой, потянувшись за салфеткой.

Её острый локоть с силой врезался в соусник с густым, жирным томатным трюфельным соусом, стоявший на краю стола.

Шорох, глухой стук и тяжёлая пиала полетела прямо на меня. Густая, маслянистая бордово-красная жижа смачным, безобразным пятном расплылась по моему безупречно белому фартуку, пачкая серое платье на животе и подоле. Несколько капель долетели до моих туфель.

— Ой! — наигранно вскрикнула Алина, прижимая ладонь к губам, хотя в её глазах плясали торжествующие черти. — Какая я неловкая! Александра, простите ради бога, я случайно задела! Вы так неожиданно выросли за моей спиной

В беседке на секунду повисла неловкая пауза. Света испуганно охнула.

Внутри меня в эту секунду словно оборвался трос. Жирный соус медленно впитывался в ткань формы, пропитывая её приторным запахом чужого обеда. Мне хотелось схватить эту бутылку *Montrachet* и долбануть по башке этой эскортной выскочке. Ярость застилала глаза, дыхание перехватило.

— *Сдержись, Сашка. Только сдержись, — зазвучал в голове спокойный голос бабушки. — Если покажешь слабость, если заплачешь или начнёшь орать - считай, они победили. Ты прислуга, но характер у тебя - королевский. Вот и веди себя как королева.*

Да знаю я, что звучит это смешно. А как мне ещё себя успокоить? Я закрыла глаза на одну секунду. Открыла. Тремор в руках исчез, уступив место фальшивому спокойствию.

Я достала из кармана запасную текстильную салфетку, плавным движением промокнула самые крупные капли соусной жижи на фартуке, чтобы они не капали на лазаревский мраморный пол, и посмотрела прямо на Алину. Без злости. Без обиды. Сверху вниз - так, как смотрят на нашкодившего породистого, но глупого щенка.

— Ничего страшного, Алина. Ткань формы обработана специальным грязеотталкивающим составом, она легко отстирается. Главное, что соус не попал на ваш шёлковый сарафан. Было бы очень жаль испортить такую дорогую вещь из-за неловкого движения. Совсем непросто найти хорошую химчистку для деликатных тканей.

— Света, — повернулась я к горничной, полностью игнорируя застывшую Алину. — Пожалуйста, принеси чистую салфетку для стола и замени соусник. А я ненадолго отлучусь, чтобы привести форму в порядок.

Владислав Николаевич, внимательно наблюдавший за этой сценой, одобрительно хмыкнул и громко произнёс, обращаясь к своим партнёрам:

— Господа, на чём мы остановились? Что по Новой Риге?

Я развернулась и с гордо поднятой головой вышла из беседки. Проходя мимо Аркадия, который стоял у дорожки, я заметила, как он едва заметно, одними кончиками губ, победно улыбнулся и показал мне большой палец.

4:0, сучки. Война продолжается.

К десять часам вечера особняк Лазаревых наконец погрузился в тишину. Гости разъехались часом ранее, оставив после себя горы грязной посуды, которые сейчас ворочались в

недрах профессиональных посудомоек на кухне. Старшие хозяева ушли в свои покои на втором этаже, Игорь укатил в какой-то столичный клуб (без Алины, которая после инцидента в беседке закрылась в спальне со спа-маской и демонстративно «страдала мигренью»).

Я сидела на кровати в личной комнате своей бабули, расположенной на цокольном этаже рядом с гардеробной. Форма экономки - уже чистая, отстиранная Нусей и высушенная в технологичной сушилке, висела на плечиках. Сама я осталась в безразмерной домашней футболке и шортах, которые прихватила с собой как пижаму. Куковать мне ещё сутки тут, а потом двое суток отдыхать... Позвонила ба, но та уже спала и она сейчас на капельницах, говорит очень невнятно... Поеду к ней в выходной, обязательно поеду! И как обниму со всей силы!

Ноги гудели так, словно по ним проехался каток. Натоптыши ныли, спину ломило от непривычного многочасового стояния по струнке. Я вытянула ноги, чувствуя себя пенсионеркой, и уставилась в потолок.

Экран смартфона на тумбочке моргнул, и комната заполнилась весёлой, бодрой мелодией звонка. На дисплее высветилось: «Ксюня».

Я с трудностями дотянулась до трубки и нажала на приём, со вздохом прижимая телефон к уху.

— Алло — просипела я.

— Сашка!!! — из динамика тут же вырвался оглушительный, двойной ультразвуковой вопль. Ксюха и Леся, судя по всему гуляли где-то вместе. На заднем фоне глухо звякали бокалы. Опять квасят! — Ну как ты там?! Рассказывай! Тебя ещё не заставили чистить зубной щёткой унитаза из сусального золота?!

— Девочки, тише, у меня сейчас уши завянут, — слабо улыбнулась я, прикрывая глаза. — Жива. Вроде бы. Хотя спина и ноги передают вам пламенный привет и умоляют об эвтаназии.

— Так, стоп, — в трубке послышался строгий, рассудительный голос Леси. — Давай по порядку. Спонсора бабушки-то вычислила? Кто этот благодетель?

— Вычислила, — я вздохнула, переворачиваясь на бок. — Сам старший Лазарев, Владислав Николаевич. Оплатил всё добровольно, из уважения к ба.

— Ого! — присвистнула Ксюха. — Ну надо же, хоть один нормальный мужик на этой вашей Рублёвке А управляющий этот?

— А вот тут самое интересное, — я понизила голос до шёпота, хотя дверь каморки была заперта на замок и камеры тут не было. — Аркадий этот - гений подковёрных интриг. Он меня шантажировал специально... Оказывается, жена Лазарева, Алиса, спала и видела, как пропихнуть на место моей бабушки подругу своей матери - какую-то злобную мегеру. И Аркадий, чтобы спасти место за нашей семьёй и защитить интересы шефа, разыграл передо мной злого копа, чтобы я выскочила на работу мгновенно, до приезда хозяев.

— Ничего себе санта-барбара! — воскликнула Леся. — Подковёрные игры мадридского двора! И что ты сделала в итоге?

— Нет. Мы заключили пакт о ненападении. Он обещал меня прикрывать и платить бешеные премиальные, если я буду работать идеально. А мне деваться некуда - мы в одной лодке. Тем более, сегодня его прикрытие мне знатно пригодилось.

— Так, с этого момента подробнее! — потребовала Ксюха. — Кто-то уже пытался выпить твою кровь?

Я в красках, не стесняясь в выражениях, рассказала девчонкам про утренний бунт повара Франсуа с его «сырными юбочками», про сбой джакузи и, главное, про финальный аккорд в беседке, когда пассия Игоря устроила мне душ из трюфельного соуса.

— Ах она сучка крашенная! — взвилась Ксюха так, что я представила, как она подпрыгнула. — Соус она пролила! Да я бы ей эту пиалу в задницу засунула! Сашка, ну ты ей врезала хоть?!

— Я выше этого, Ксюнь. — тихо усмехнулась я. — Если буду поддаваться на их провокации, то мигом потеряю работу... Ладно, хоть Владислав Николаич и Игорь относятся ко мне нормально...

В трубке повисла короткая пауза. А затем Леся заговорщицки протянула:

— М-м-м Игорь, говоришь? Что у вас там с ним? Зашуримуришь его?

— Лесь, издеваешься? — застонала я, утыкаясь лицом в подушку. — У него Алина, и вообще - мы в разных галактиках. Я здесь прислуга, забыли?

— Прислуга с характером и аппетитками, — отрезала Леся. — Короче, Савельева. Первый день ты выстояла. Но расслаблять булки рано. Этот гадюшник ещё подкинет тебе сюрпризов. Если что - ты знаешь план: мы приедем, зальёмся шампанским, а потом обложим им всё шиммером!

— Фууу! — синхронно выдохнули мы с Ксюхой в динамик. — Не упоминай это шампанское! Нас одновременно замутило от воспоминаний о недавнем похмелье, и мы вновь дружно, от души расхохотались на всю каморку.

— Ладно, девчат, — я вытерла выступившие от смеха слёзы. — Пойду я спать. Завтра подъём ранний. Бабуле звонила, она стабильна, отдыхает. Ради неё я это лето отработаю так, что эти рублёвские снобы будут ещё долго меня вспоминать.

— Спокойной ночи, Сашуль. Мы с тобой. Целуем!

Я отключила вызов, положила телефон на тумбочку и повернулась на спину. За крошечным высоко расположенным окошком каморки шумели деревья, качая своими тёмными лапами на фоне звёздного неба.

Первый день в Рублёвском улье подошёл к концу. Я выстояла. Я защитила бабушку, сохранила лицо и приняла правила игры. Но внутри меня жило пугающее предчувствие: это лето изменит мою жизнь навсегда, и обратного пути из этого золотого капкана у меня уже не будет.

Глава 6: Один на один.

Уснула я, кажется, едва коснувшись головой подушки. Но поспать по-человечески мне было не суждено.

Примерно в три часа ночи сквозь сон до меня донеслись чьи-то крики-визги. Моя комната (а точнее - бабушкина) на минус первом этаже располагалась аккуратно неподалёку от служебной лестницы, ведущей в центральный холл, и звукоизоляция здесь явно уступала шумоизоляции хозяйских спален. Так что, можно было наслушаться кто где ходит и что делает.

— Да мне плевать, в каком клубе ты заливал свои zenки! — визжал до боли знакомый, капризный голос Алины, полностью утративший дневную томность. — Что там были за девки? Я видела сторисы твоих друзей! Ты меня позоришь!

— Закрой рот, Алина, — глухо, на пределе контролируемой ярости отозвался Игорь. Его голос рокотал, содрогая стены. — Ты устроила сцену там, ты устроила сцену тут. Может, тебе стоит уже пойти на кастинг в кино? Раз ты такая актриса! Уймись!

— Не уймусь! Пошёл ты к чёрту! Ненавижу тебя! — Сама Алина, судя по звукам, уже вовсю топала шпильками по мрамору, попутно катя чемоданчик на колёсиках. — Я уезжаю! И не вздумай мне звонить!

Грохот тяжёлой входной двери заставил меня подпрыгнуть. Наверху слышались испуганные шаги - кажется, на этот концерт сбежался весь проснувшийся персонал, включая Нусю и дежурных охранников. Весело тут у них.

Я вздохнула, понимая, что сон улетел безвозвратно. В комнате было душно, и я, всё в той же свободной бомжатской футболке и коротких шортах, решила тихонько выскочить в сад через чёрный ход - глотнуть ночной прохлады. Подумаешь, экономка дышит воздухом. Имею право.

Ночной сад Лазаревых встретил меня оглушительной тишиной и запахом влажной травы. Луна ярко подсвечивала безупречные дорожки. Я прошлась вдоль живой изгороди и свернула к декоративному пруду. И замерла.

На кованной лавке у самой кромки тёмной воды сидел Игорь. Он был в расстёгнутой на верхние пуговицы голубой рубашке, бежевых кюлотах, и сидел, низко наклонившись, буквально сжимая голову ладонями с проступающими венами. От его привычного лоска не осталось и следа. Он выглядел... разбитым.

Я замялась, соображая, не сбежать ли обратно, пока не поздно, но подошва моих домашних тапочек хрустнула на гравии. Игорь вздрогнул, оторвался от своего самобичевания и удивлённо посмотрел на меня.

— А, Саш... это ты? — Его голос был уставшим.

— Что? Не задалась ночка? — Ответила вопросом на вопрос я.

Он поправил растрёпанные волосы и горько усмехнулся, глядя на то, как я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Да, как видишь... Садись. Давай поболтаем, как в старые добрые.

Я сделала пару шагов вперёд, обняв себя руками за плечи. Ночной воздух приятно холодил кожу через тонкую ткань футболки.

— В старые добрые мы с тобой были детьми, Игорь, — произнесла я, останавливаясь у края лавки. — А теперь ты - знать, а я - челядь.

Игорь поморщился и поднял на меня свои красивые стальные глаза:

— Ну хоть ты-то не начинай, Саш!

Я посмотрела на его поникшие плечи. И правда, чего это я? Беру и несу чушь какую-то... Выгляжу сама жалкой. Ладно, исправим ситуацию.

— Ну ладно, давай посидим. Двигай задом! — буркнула я, сбрасывая маску строгой экономки.

Игорь неожиданно тепло, открыто улыбнулся, совсем как тот мальчишка из детства, и послушно подвинулся, освобождая мне место на лавке. Я села рядом, поджав под себя одну ногу.

— Как бабушка? — спросил он, глядя на воду, где в лунном свете шевелились тени жирных, невероятно красивых карпов кои.

— Хорошо... Спасибо тебе и твоему отцу, что помогли. Если бы не вы...

— Перестань, это такие пустяки, — перебил он меня, повернув голову. — Главное - чтобы она поправилась. Анна Степановна для меня святой человек, она для меня как родная...

Мы помолчали. Пауза была тёплой, но у меня на языке всюду зудел вопрос, который не давал покоя после ночного лая на весь особняк.

— И часто вы вот так бурно выясняете отношения? — осторожно спросила я, кивнув в сторону дома.

— В последнее время - часто, — Игорь тяжело вздохнул и запустил пальцы в волосы. — Если не постоянно... Ей всё не так. Клубы, друзья, шмотки, внимание... Я просто хотел отдохнуть без неё в этот раз... Я устал, Саш. Реально устал.

— И как твой отец терпит её в своём доме? — вырвалось у меня прежде, чем я успела включить субординацию. — Она же сегодня на банкете чуть скандал не устроила на ровном месте.

Игорь резко выпрямился, и в его голосе прорезались жёсткие, мужские интонации:

— А что мой отец? Я мужчина и я сам должен решать, как быть со своей... — он осёкся, горько усмехнулся и покачал головой, — сейчас даже язык не поворачивается так её назвать... со своей женщиной.

Когда он это сказал, меня словно молнией пронзило. Внутри, где-то в районе желудка, свернулся гадкий, склизкий и тяжёлый комок. Стало так тошно и неприятно, что мне захотелось встать и уйти. Но почему? Какое мне вообще дело до его личной жизни и его баб? Ревность? Да ну, бред... Было бы к чему ревновать.

— А Алиса так вообще её крёстная мать и во всём поддерживает, — добавил Игорь, не заметив моей внутренней бури.

Я удивлённо моргнула, переваривая информацию:

— Ммм, так они родственницы? Ясно.

— Да нет, — Игорь забавно наморщил лоб. — Алина - просто крестница Алисы. Когда-то давным-давно Алиса была замужем за покойным партнёром моего отца по бизнесу. И у того был родной брат. Вот Алина - это дочка этого брата. Получается, Алиса ей как бы тётка, но не по крови... Ой, блин, я сам запутался...

Я не выдержала и рассмеялась на весь сад. Игорь вдруг замер, посмотрел на меня, и его лицо тоже озарилось широкой улыбкой. Он рассмеялся в ответ, качая головой.

— И тебя запутал, да? — спросил он, придвигаясь чуточку ближе.

— Да ничего, я поняла всё как надо, — отсмеявшись, ответила я, поправляя край шорт.

— Не ладятся у нас с ней отношения, Саш, — вдруг всерьёз признался он. Его взгляд снова ушёл к пруду. — Мы с ней слишком разные, и я это с каждым днём понимаю всё чётче. Но... ничего поделать не могу. Точнее - просто не знаю, что мне делать.

Я посмотрела на его чёткий профиль, на упрямый подбородок. Мне-то со стороны всё казалось очевидным до неприличия: бросать эту алчную, хабалистую сучку, заблокировать везде и перекреститься! Но у Игоря, видимо, была какая-то дурацкая привычка к ней. Богатые тоже плачут и жуют кактус, классика. Почему кактус? Ну вы помните, эту поговорку про мышки плакали, но... жевали кактус? Вот я о ней.

— А как давно вы вместе? — поинтересовалась я.

— Два года.

Я аж присвистнула про себя. Ничего себе. Обычные люди после двух лет отношений уже вовсю свадьбы планируют или совместные ипотеки берут, а он эту принцессу только за ручку по заведениям водит да капризы терпит. Вот Алина и бесится, понимает, что её «золотой билет» застрял на этапе компостера.

— А у тебя... есть кто-то? — вдруг спросил Игорь, повернувшись ко мне.

Он посмотрел на меня так внимательно, глубоко, что у меня аж дыхание перехватило. И по его глазам - вот руку на отсечение дам! - я прочитала, что он всей душой надеется услышать отрицательный ответ. Ага, сейчас, разбежался, Игорь Владиславович! Не буду я перед тобой все карты на стол выкладывать! Не-а!

— Может быть... — загадочно улыбнулась я и неопределённо пожала плечами.

Игорь заметно сник, его плечи снова немного опустились, но он попытался удержать улыбку:

— Пока всё несерьёзно, да? Видимо, недавно познакомились... Понимаю. Счастливчик этот парень. Ты очень красивая девушка, Саш. Образованная, умная... и ценности у тебя правильные.

У меня всё так и так ёкнуло. Откуда тебе знать, мальчик мой, про мои правильные ценности? Вспомнила я, как давеча фонтанировала дешёвым дынным шиммером во все стороны, празднуя закрытие сессии. Эксперт по ценностям нашёлся... тоже мне...

— Откуда тебе знать? — удивилась я, выгнув бровь. — С чего это ты взял, что они правильные?

— По тебе видно, что ты хорошая девчонка, — упрямо повторил Игорь, глядя мне прямо в лицо. — Ты не изменилась с тех пор, как мы были детьми. В тебе нет этой... фальши... и ушлости...

В этот интимный момент тишину сада бесцеремонно разрезал резкий, громкий звонок. Смартфон в кармане Игоря зажужжал, взрываясь неоновой подсветкой.

— Прошу прощения, — виновато обратился он ко мне, кривясь так, будто у него разболелся коренной зуб.

Он достал трубку и окончательно суксился, глядя на экран. Я, как вежливая девушка, не стала косить глазом в чужой телефон, а демонстративно отвернулась к пруду, делая вид, что меня до глубины души увлекло поведение ленивого жирного карпа, копошащегося в водорослях.

— Да? — процедил Игорь в динамик. Голос его мгновенно стал ледяным.

Из трубки - даже без громкой связи, в тишине ночи, раздался приторный, мерзкий и абсолютно пьяный голос Алины:

— И-и-горёооша! Йик! Я вернулась... Я в такси... Встреть меня-я-я!

Игорь терпеливо выдохнул через нос. Я боковым зрением увидела, как на его скулах заиграли яростные желваки. Гнев от него исходил буквально физическими волнами.

В трубке тем временем пьяно заканючили, переходя на ультразвук:

— Ну коти-и-к... Ну неужели ты меня больше не любииишь? Ты меня бросишь тут одну?!

— Где ты? — сквозь зубы выдавил Игорь, полностью растеряв всю ту мягкость, с которой говорил со мной секунду назад. Мне от этого контраста почему-то стало жутко.

— У вороо-о-от! Охрана меня не пускает, прикинь?!

— *И правильно делают, умнички мои,* — мысленно погладила я парней из ЧОПа, но вслух, разумеется, промолчала, сохраняя нейтралитет.

— Сейчас буду, — коротко оборвал её Игорь и нажал отбой, даже не дослушав, что там ещё собиралась намотать на уши его нетрезвая пассия.

Он убрал телефон в карман, повернулся ко мне и посмотрел с такой искренней, щемящей грустью, что и мне она передалась.

— Саш... спасибо, что поговорила со мной, — и его рука на секунду зависла в воздухе, словно он хотел коснуться моего плеча, но вовремя отдернул её. — Мне правда было очень приятно, что ты меня выслушала... Я рад, что мы снова общаемся.

И мне самой стало так чертовски приятно от этих слов, что я, неожиданно для самой себя, глупо улыбнулась и почувствовала, как щёки заливает жар. Стопроцентно покраснела как розовый поросёнок. Надеюсь, при лунном свете это было не так заметно.

— Ладно... мне надо идти, — Игорь поднялся с лавки, расправляя плечи.

— Удачи... — напутствовала я его, оставаясь сидеть.

— И тебе.

Я подождала пару минут, пока его высокая, широкоплечая фигура скроется за поворотом дорожки в сторону ворот, и только потом поднялась. Ноги после сумасшедшего дня были словно налиты свинцом, каменные, неподъёмные. Идти обратно в дом не хотелось до судорог. Внутри меня всё протестовало, но надо было идти досыпать... Хотя я уже на все сто процентов понимала: завтра утром я буду чувствовать себя как тухлый, вялый огурец.

Когда я заходила через стеклянную дверь малого холла, в уши снова ударили отголоски разборок. Только теперь сцена поменялась: девушка уже не истерила, а наоборот - была послушной кошечкой, вот только парень выплёвывал слова как пули.

Я повернулась у лестницы и замерла. В центре холла Алина, разящая за версту алкашкой, буквально повисла на широкой шее Игоря, пытаясь поймать его губы своими. Её руки бесстыдно блуждали по его рельефным плечам под тонкой рубашкой.

Я невольно засмотрелась на его фигуру. Господи, надо будет как-нибудь ненароком у Нуси спросить, не увлекается ли он плаванием? Потому что плечи и спина у него были точь-в-точь как у профессионального пловца... (И нет, я сейчас не про любителя плова).

В этот момент Игорь, отстраняя от себя цепкую "серебряную" блондинку, вскинул голову и встретился со мной взглядом. На его лице мгновенно отразилась дикая, жгучая неловкость. Ему было стыдно, что я вижу этот позор.

Алина, уловив, куда направлен его взгляд, резко обернулась. Её пьяные глаза с размазывшейся тушью сфокусировались на мне.

И тут до меня дошёл весь ужас ситуации. Я стояла в домашней тонкой майке и коротких шортах. Без лифчика. А ночь у пруда была, мягко говоря, прохладной. Мои соски под тонкой тканью футболки естественным образом превратились в два твёрдых стеклореза, рельефно выпирая вперёд.

Пьяная, но шкурно-ревнивая Алина сообразила всё за долю секунды. Её лицо перекосило от бешеной злости.

— А ты чё тут вылупилась, шлюха прислужливая?! — взвизгнула она на весь холл, пытаясь ткнуть в меня пальцем с длинным ногтем. — Пошла вон с глаз моих! Уволена! Пошла вон, тварь!

Я застыла, но Игорь среагировал молниеносно. Лицо его потемнело от ярости. Он перехватил Алину за локоть и с такой силой рванул её на себя, оттаскивая от лестницы, что Алина аж пронзительно взвизгнула.

— Не тебе решать, кого увольнять в моём доме!

— Ау-у-у! Больно! Отпусти! — заныла она.

Я ахнула, прижав ладонь к груди - рывок действительно был грубым, и ей явно было чертовски больно. Чисто по-человечески мне стало не по себе.

— Игорь, не надо! — громко окликнула я его, делая шаг назад к ступенькам.

Он тяжело дышал, удерживая брыкающуюся девицу цепкой хваткой. Он посмотрел на меня сверху вниз, и в его голосе звенел металл:

— Всё в порядке, Саш. Иди отдыхать. Всё в порядке, я сам разберусь.

Я кивнула и буквально слетела по лестнице, а точнее спикировала вниз, в свой подвал, закрывая дверь бабулиной комнаты на замок.

Уснуть мне удалось от силы за час до будильника, блин. Организм устроил мне настоящую подлянку. Стоило мне закрыть глаза, как из головы наотрез отказывался уходить Игорь. Его широкая шея, сильные руки с выступающими под кожей прожилками вен, этот его взгляд у пруда...

Я позорно взмокла от собственных мыслей о хозяйском сыне, ворочаясь на узкой кровати. Внутри всё горело. В итоге я не выдержала, побежала среди ночи в ванную и приняла контрастный душ, чтобы хоть как-то смыть это наваждение. Немного помогло и я кое-как забылась рваным сном.

Но мой организм надо мной просто издевался! Когда в пять утра прозвенел будильник, я проснулась с таким колоссальным, пульсирующим напряжением между ног, что хоть на стену лезь. Я сладко потянулась и поняла: никакой душ мне больше не поможет. Мне жизненно, кровь из носу нужен был секс. Прямо здесь и сейчас. Но с кем, чёрт возьми, заняться этим на Рублёвке?! Парня у меня нет, а моя одна-единственная верная жужжащая игрушка осталась дома, в тумбочке. Вот же засада!

Кое-как подавив эту дикую волну внезапного утреннего возбуждения и мысленно отругав себя всеми неприличными словами, я натянула свежую серую форму, завязала безупречный фартук и выперлась в основую часть дома - на обход этажей. Работать, Савельева, работать! Меньше думай о пловцах, лучше думай о плове!

После обхода с третьего на первый и выписки всех замечаний, я отправилась в пристанище для голодаев. На кухне вовсю кипела жизнь. У горничных как и у экономок в доме Лазаревых был чёткий график: девушки работали посменно, два через два. Вчерашние Света и Марина сдали пост, и сегодня на дежурство заступила новая пара - Настя и Ира.

Когда я вошла, девчата как раз пили кофе у раздаточного стола. Настя оказалась милой, слегка полноватой шатенкой с добрыми глазами и мягким говором - сразу видно, простая, открытая девчонка из провинции, которая приехала покорять столицу честным трудом.

А вот вторая... На Ире я натурально залипла на пару секунд. Длинноногая, статная брюнетка с такой невероятной, красотой, что у меня аж дух перехватило. Густые тёмные волосы волной падали на плечи, точёный носик, пухлые губы без всяких филлеров и глаза - огромные, с поволокой. Мне даже искренне странно стало: какого хрена такая сногшибательная красotka делает в прислугах у богатеев? Ей бы на подиумах в Милане блистать или обложки журналов украшать с её внешностью, а она тут унитазы моет и салфетки крутит. Странно это всё.

— О! Александра? Привет! — Настя приветливо улыбнулась мне и сразу протянула кружку с ароматным кофе. — Я - Наська, а это Иришка. Нам Нуся всё рассказала про Анну Степанну... Ты держись, мы очень сочувствуем! Твой бабусёк - золотой человечек! Держим за неё кулачки! Ну и... будем тебе помогать как сможем!

Ира деликатно кивнула, одарив меня мягкой, но какой-то оценивающей улыбкой:

— Да, Саш, не переживай. Мы всю рутину знаем, дом подготовим к завтраку в лучшем виде.

— Спасибо, девочки, — мне от их тепла даже как-то легче стало. — Завтрак хозяева попросили на девять утра, в большой столовой. Франсуа уже колдует над омлетами?

— О-о, француз с пяти утра у плиты матерится, всё в порядке, — хихикнула Наська.

Ровно в девять утра стол в столовой был накрыт по высшему разряду. Я стояла у раздаточного комода, контролируя подачу.

За столом собралось всё семейство: Владислав Николаевич с планшетом и свежей прессой, Алиса Игоревна в утреннем шёлковом халате, Игорь в пижаме и... Алина. К моему глубочайшему изумлению, Алина выглядела так, будто никакой ночной драмы, пьяных воплей и

выкручивания рук не было в помине! На ней был безупречный нежно-розовый костюм, свежий макияж и ни следа похмелья.

Более того, между ней и Игорем витала полная идиллия. Коза буквально светилась: она постоянно, словно невзначай, поглаживала Игоря по широкой шее, перебирала пальцами его короткие волосы на затылке и томно смотрела ему в глаза. Игорь сидел со спокойным, неприкосновенным лицом, нехотя ковыряя вилкой омлет и вяло отвечая на её воркование.

Но куда больше меня зацепило другое. Я краем глаза заметила, как у стола крутится Ира, подливая Владиславу Николаевичу свежий кофе. Ира двигалась потрясающе грациозно. Но её взгляд... Она смотрела на Игоря. Не просто как горничная на хозяина, а хищно, будто бы с затаённой страстью. И Игорь - я заметила это! - пару раз поймал её взгляд в ответ, и между ними проскочила какая-то немая искра. Они переглянулись так, будто у них тут своя, тайная программа. У меня внутри аж опять всё перекошило от злости. Ну и гадюшник! Значит ночью комплиментами мне сыпал и на «правильные ценности» намекал, а сам с горничной зыркается в присутствии своей эскортницы! Мужики - козлы, теорема доказана.

Спустя час, когда завтрак завершился, мне нужно было спуститься в розарий, чтобы проверить работу садовников. Путь пролегал через крытую галерею у лаундж-зоны, скрытую густыми кустами декоративного плюща и высокими панорамными простенками.

Проходя мимо одной из глухих ниш, я вдруг услышала приглушённый, прерывистый шёпот и странное шебуршение. Я притормозила, вжимаясь в тень за раскидистым кустом роз. Любопытство - мой грех, знаю.

Я осторожно заглянула в просвет между листьями и едва не ахнула, вовремя зажав себе рот ладонью.

В нише стояли Игорь и Ира. Длинноногая брюнетка буквально прижала наследника Лазаревых спиной к стене! Её руки были заброшены ему на шею, и она с дикой, несдерживаемой страстью целовала его в подбородок, губы, шумно и прерывисто дыша. Но самое шокирующее - Ира бесстыдно запустила руку Игоря себе под юбку, прижимаясь к нему всем телом!

У меня внутри всё похолодело. Сердце замерло, а потом застучало как сумасшедшее.

Игорь пару секунд поддавался этому напору, но затем с явным усилием перехватил её запястья и решительно отстранил Иру от себя. Он нахмурился, недовольно помотал головой и отошёл на шаг, поправляя футболку.

— Ира, стоп, — глухо и строго произнёс он. — Не надо. Я же просил.

Ира мгновенно расстроилась, её пухлые губы обиженно надулись, а в глазах промелькнула настоящая буря.

Но мой взгляд опустился чуть ниже его пояса. На тонких пижамных штанах Игоря совершенно недвусмысленно выделялся внушительный, эрогированный орган. Против физиологии не попрёшь - эта невероятная красotka Ира ему явно очень даже нравилась, раз организм выдал такую бурную реакцию на её ласки.

В этот момент меня накрыла такая лавина горькой обиды и разочарования, что дышать стало трудно. Расстроилась я вдвойне. Значит, ночные разговоры про «ты особенная» и «в тебе нет фальши» - это просто лапша для ушей наивной экономки, пока он тут по углам зажимает длинноногих прислуг? Кабель несчастный!

Ира тем временем снова попыталась придвинуться к нему и поцеловать, но Игорь легонько, но твёрдо опять отстранил её, развернулся и быстрым шагом пошёл прочь по коридору в сторону спортзала.

Оставшись одна в нише, Ира изменилась в лице за секунду. Вся её ангельская красота испарилась. Лицо перекошило от злости, она сжала кулаки, и её глаза цвета ночи буквально метали яростные, убийственные молнии вдогонку парню. Настоящая фурия.

Я поняла, что если сейчас выдам себя - меня закопают прямо в этих розах. Судорожно сжав планшет, я на цыпочках, едва дыша, начала пятиться назад, а затем буквально припустила через колючие кусты розария, молясь об одном: чтобы Игорь не обернулся и никто не понял, что Сашка Савельева только что подглядывала за чужой изменой.

Глава 7: Зверинец.

Спустя ещё два часа в главном холле зародился лёгкий предвыездной хаос. У огромных дверей уже красовались три гигантских чемодана из крокодиловой кожи - личная артиллерия Алисы Игоревны. Сама хозяйка, благоухая убойным шлейфом дорогих селективных духов, застёгивала на запястье массивный золотой браслет, попутно раздавая указания Нусе. Не мне... Нусе! Меня тут то настойчиво игнорируют, то унижают. А так, чтобы беседы вести... не, не заслужила я такого уважения. Ну и ладно, всё равно Нуська в планшет все поручения внесёт или же мне их передаст. В любом случае мимо меня они не пройдут.

Владислав Николаевич стоял чуть поодаль, просматривая что-то в телефоне и изредка поглядывая на часы. Лазаревы улетали в Париж на целых три дня - какая-то важная бизнес-встреча, совмещённая с культурной программой для супруги. Вроде только приехали, а теперь отчаливают.

Игорь спустился последним. Он был в простых тёмных джинсах и свободной чёрной футболке, подчёркивающей его широкие плечи. Лицо у него было серое, хмурое, под глазами залегли едва заметные тени. Он даже не посмотрел в сторону столовой, где Алина, судя по звукам, уже вовсю гоняла горничных, требуя «правильный» детокс-смузи.

— Ну, сынок, снова оставляем дом на тебя, — Владислав Николаевич убрал телефон в карман пиджака и похлопал Игоря по плечу. На губах старшего Лазарева заиграла редкая, шутливая усмешка. Он поднял указательный палец и погрозил им сыну: — Веди себя хорошо. Дружков своих сильно не балуй, дом не громить, антиквариат не бить!

Игорь вымученно улыбнулся, запустив руку в растрёпанные волосы:

— Пап, ну брось. Мне двадцать три, а не тринадцать. Всё будет чинно-благородно. Посидим спокойно, хаммам потопим, в басике поплаваем.

— Знаю я твоё «чинно-благородно», — хохотнул отец, а затем резко обернулся в мою сторону. Его цепкий, пронизательный взгляд остановился на мне. — Сашка! Иди-ка сюда.

Я сделала несколько шагов, сложив руки перед собой в образцовой позе покорности.

— Да, Владислав Николаевич?

— Проследи за ним, — старший Лазарев подмигнул мне, и в его голосе прозвучало искреннее доверие к авторитету моей бабушки, который теперь автоматически проецировалось на меня. — Если эти оболтусы начнут разносить особняк - звони сразу Аркадию, он им быстро хвосты прижмёт.

Я выпрямила спину, глядя чётко в переносицу хозяина дома, стараясь краем глаза не цеплять замершего рядом Игоря.

— Будет сделано, Владислав Николаевич.

— Ах ты какая! — раздался над ухом негромкий, хриловатый голос Игоря.

Я почувствовала, как он подался вперёд, заглядывая мне в лицо. В его интонации сквозила явная смешинка, мальчишеская искра из детства, которую он вчера так усердно демонстрировал у пруда. Он явно ждал, что я сейчас улыбнусь в ответ, выкину какую-нибудь колкость или хотя бы подмигну, разделяя этот семейный юмор.

Но внутри меня всё ещё ворочался комок из розария. Я вспомнила его эрегированный член под пижамными штанами, Ирку, которая бесстыдно лапала его за секунду до этого, и всю его фальшивую тираду про мои «правильные ценности». Эксперт, блин, по чистоте душевной.

Я сухо отвела глаза в сторону, зафиксировав взгляд на чемодане Алисы Игоревны. Типа: вау какой интересный кроко-принт. Лицо моё осталось каменным, как у первоклассного британского дворецкого. Ни один мускул не дрогнул.

Игорь мгновенно осёкся. Я почувствовала, как замерла его неловкая улыбка. Он озадаченно нахмурился, в упор разглядывая мою подчёркнуто холодную, отстранённую мину. В его

глазах промелькнуло искреннее непонимание и даже какая-то обида, смешанная с досадой. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент Алиса Игоревна капризно позвала мужа, и Владислав Николаевич потянулся к выходу.

— Всё, уехали. Игорь, не скучай. Александра, на тебя уповаю! — донеслось от дверей.

Тяжёлая створка захлопнулась. В холле воцарилась тишина. Игорь постоял ещё секунду, зыркнул на меня напоследок своим стальным, потемневшим взглядом и, круто развернувшись, зашагал вверх по лестнице. Я проводила его взглядом, мысленно поставив жирный крест на любых «старых добрых» отношениях. Всё, парень. Лавочка закрылась. Теперь только субординация.

К пяти часам вечера к особняку начали стягиваться очередные гости. Что ж такое, им конца и края не видно! Это не особняк - а какой-то двор проходной... Ну и как всегда это было похоже на съезд люксового автосалона: у ворот один за другим парковались хищные спортивные «Порше», рычащие «Гелендвагены» и пафосные «Майбахи». Как будто кроме них других машин и нет. Из авто вывалилась весёлая, шумная компания - пятеро парней, одетых в безупречный стритвир, наверняка, от именитых брендов, где одна футболка стоила как две моих месячных зарплаты, и пара девушек модельной внешности, увешанных бриллиантовыми гвоздиками и брендовыми сумками.

— О-о-о, Игорёк! Здорово, бро! — разносились по дому их громогласные вопли. — Гуляем!

Дом мгновенно наполнился чужим и наглым шумом. Для гостей по приказу Игоря был подготовлен весь банный комплекс: огромный бассейн с бирюзовой водой, лаундж-зона с мягкими диванами и, конечно же, хаммам. Повара на кухне с ног сбивались, оформляя бесконечные подносы с закусками: тартар из говядины, запечённые устрицы, канапе с чёрной икрой, элитные сыры. Алкоголь тёк рекой - бутылки виски тридцатилетней выдержки и коллекционное шампанское исчезали со скоростью звука. Да уж, золотая молодёжь знает толк в сладкой жизни.

Я, как экономка, была вынуждена лично контролировать подачу, курсируя между кухней и зоной бассейна. Настя и Ира бегали с подносами, едва успевая менять пустую посуду.

Когда я в очередной раз спустилась в лаундж-зону, чтобы проверить, всего ли хватает, в глаза бросилась тошнотворная картина. Гости уже были изрядно подогреты спиртным. Парни громко ржали, обсуждая какие-то свои ставки, гонки и бизнес-схемы своих папаш, а девушки потягивали коктейли, делая бесконечные селфи на фоне мраморных колонн.

Игорь сидел в центре огромного дивана. На нём было только белоснежное полотенце, обмотанное вокруг бёдер, на широких плечах ещё блестели капли воды после бассейна. Он выглядел расслабленным, но в глазах всё равно блуждала какая-то странная отрешённость.

А вот Алина времени зря не теряла. Она, кажется, решила окончательно застолбить за собой статус «первой леди» этого зверинца. На ней был микроскопический розовый купальник, который фактически ничего не скрывал - лямки едва удерживали её грудь, точнее - соски, совершенно не стесняясь присутствия его друзей и их пассив, развалилась прямо на коленях у Игоря.

— Игорёша-а-а, ну ты чего такой скучный? — мурлыкала она на весь зал, приторно растягивая слова.

Она обхватила его шею, притираясь всем телом, и начала демонстративно, взасос целовать его в шею, а затем спускаться губами к уху. Игорь под этим напором заметно обмяк, его глаза прикрылись - против физиологии и женских ласк не попрёшь, эго явно млело от такого поклонения. Дружки его одобрительно улюлюкали:

— Хороша чертовка, Игорёк! Знай наших!

Я замерла у раздаточного стола, чувствуя, как внутри всё закипает от яростной обиды. Тьфу, мерзость какая. И этот человек мне ночью затирал про фальшь? Да они стоят друг друга!

Но Алина на этом не остановилась. Решив добавить перчинки, она, хитро зыркнув на компанию, запустила руку Игорю прямо под полотенце. Её плечо задвигалось, совершая недвусмысленные, ритмичные сексуальные движения прямо там, на глазах у всех.

Игорь резко открыл глаза. На его лице отразилось мгновенное замешательство, смешанное с раздражением. Наглый перформанс девицы явно перешёл черту его личного комфорта.

— Алина, блин, стоп, — глухо бросил он, перехватывая её руку через ткань. — Перестань. Мы не одни. Офонарела?

— Ну коти-и-к... — закапризничала она, пытаясь удержаться.

Но Игорь уже жёстко потеснил её, бесцеремонно снял со своих коленей, скидывая на диван, как надоевшую куклу, поднялся и, не говоря ни слова, размашистым шагом пошёл к бассейну, с ходу нырнув в бирюзовую воду.

Если бы взгляд мог резать, колоть и превращать в фарш, то несчастная Алина в этот момент скончалась бы от множественных колото-резаных ран прямо на этом кожаном диване. Потому что в неё одновременно вонзились два испепеляющих взгляда. Мой - полный брезгливости и уязвлённой гордости, и взгляд Ирки, которая стояла у стены с пустым подносом. Глаза длинноногой брюнетки буквально горели чёрным пламенем, она так сжала пальцами металлические края подноса, что те едва не погнулись.

Алина, оставшись сидеть в гордом одиночестве под смешки оставшихся парней, густо покраснела, насупилась, шмыгнула носом и, дотянувшись до стола, в один глоток опрокинула рюмку чистой водки.

Ира тут же сделала шаг вперёд. По её хищному, перекошенному лицу было видно: она сейчас подойдёт и либо «случайно» выльет на эту розовую принцессу горячий кофе, либо выскажет всё, что думает. Настоящая фурия на грани срыва. Но я вовремя перехватила её траекторию. Я вперила в неё своим самым жёстким, колючим взглядом «а-ля Анна Степановна» и едва заметно, но твёрдо качнула головой: *«Только попробуй устроить здесь цирк. Живём закопаю»*.

Ирка поймала мой взгляд, на секунду замерла, её ноздри гневно раздулись, но она сдержалась. Стушевалась, опустила голову и медленно отступила назад, в тень коридора. Да уж, обстановка в доме накалялась быстрее, чем пар в хаммаме!

Спустя час ситуация окончательно вышла из-под контроля. Из комплекса доносился такой грохот музыки и пьяные вопли, что наверное в самом доме люстры с потолков летели. Мне было дико, невыносимо беспокоило. Внутри зудело нехорошее предчувствие. Всё-таки куча пьяной в стельку молодёжи и огромный глубокий бассейн - мало ли что может случиться? Утонет ещё кто-нибудь по синьке...

Решив проконтролировать обстановку и, если нужно, вызвать Аркадия для деликатного умирения, я снова спустилась вниз.

Воздух внизу был тяжёлым, пропитанным парами алкоголя и ягодного кальяна. Гости были уже в кондиции «море по колено». Две девицы полуголыми танцевали прямо на бортике бассейна, рискуя в любую секунду проломить себе череп, поскользнувшись. Пусть покрытие тут и было цепкое, специальное, но мне прям было не по себе.

Я подошла к лаундж-зоне, стараясь сохранять профессиональный тон.

— Уважаемые гости, как отдыхается? Чего бы вы хотели? Может, обновить фрукты или принести минеральной воды?

За столом сидели трое парней. Один из них - огромный, весь такой раскоченный, спортивный боров с короткой стрижкой и бычьей шеей медленно повернул ко мне мутный, наглый взгляд. На нём была только влажная простыня.

— Попку твою хочу! Иди ко мне, красotka! — развязно, громко заржал он на весь зал.

Он бесстыдно раздвинул ноги. Тонкая влажная ткань простыни облепила его тело, и под ней совершенно выпукло и выделился его немаленький, полуэрегированный член. Он поманил меня пальцем, скалясь сальной, слюнявой улыбкой.

Ещё утром, ворочаясь на кровати от собственного гормонального взрыва, я думала, что мне нужен секс. Но сейчас, глядя на это животное, меня натурально чуть не вырвало прямо ему в рожу. Внутри поднялась такая волна омерзения, что дыхание перехватило. Слюнявое, пьяное чудовище, у которого вместо мозгов остался один первобытный инстинкт.

Я сжала зубы, изо всех сил удерживая маску безразличия. Проигнорировала его выпад, словно передо мной пустое место.

— Я спрашиваю, есть ли желания по кухне или бару? — ледяным тоном повторила я.

— Ой, какая цаца! — раздался голос сбоку.

Прежде чем я успела среагировать, ко мне вплотную подскочил второй парень - чернявый, невысокий. Он резко, бесцеремонно выбросил руку вперёд и с силой схватил меня прямо за грудь, грубо сжав пальцы на ней.

Алина, сидевшая на диване с бокалом, качнулась и оглушительно, злорадно заржала на весь зал:

— Га-га-га!

Из глубины зоны отдыха донёсся короткий, испуганный ах Насти и Иры, которые как раз заходили с новыми подносами. Я мазнула по ним взглядом и только сейчас, с ужасом, до меня дошёл весь масштаб происходящего скотства. По девчонкам было видно, что к ним тоже вовсю приставали, пока меня не было. На серой форме Насти и на юбке Ирки выделялись мокрые пятна от чужих ладоней прямо на ягодицах и бёдрах. Они стояли бледные, вжав головы в плечи. Они терпели это, потому что боялись потерять работу, боялись этих хозяев жизни!

Внутри меня будто рубильник щёлкнул.

— Руки убрал, ублюдок! — рывкнула я и наотмашь, со всей силы, со звонким шлепком ударила чернявого по руке, выбивая его пальцы со своей груди.

Я вперилась в него ненавидящим и диким взглядом. А ещё в эту секунду я с паникой осознала: Игоря здесь нет. Его нигде не было видно - ни в бассейне, ни на диванах. Он куда-то ушёл, оставив своих пьяных тварей развлекаться в одиночку.

— Ах ты сучка! Ты кого ударила?! — лицо чернявого мгновенно перекосило от пьяной злости. Его уязвлённое эго требовало немедленной расправы над «челядью».

Он навалился на меня всем телом. Тут же подскочил спортивный боров, сбрасывая простыню, оголяя свою сосиску. Меня грубо, больно перехватили под мышки и за руки четыре сильные, потные мужские лапы. Я рванулась, но силы были слишком не равны. Меня оторвали от пола.

— Пустите! Пустите, твари! На помощь! — дико закричала я, теряя остатки самообладания. Гордость полетела к чертям, мне стало по-настоящему страшно.

— Заткнись, дура! Сейчас мы тебя попарим! — хохотал боров, волоча меня по скользкому полу в сторону стеклянной двери парной.

Девчонки за моей спиной тоже верещали на ультразвуке:

— Отпустите её! Что вы делаете?! Мы охрану вызовем! Вы с ума сошли?!

— Пошли вон отсюда, шлюхи, если не хотите рядом лечь! — зыкнул на них чернявый.

Меня тащили, пальцы борова больно впивались в мои руки, я брыкалась, пытаюсь достать их ногами, но они только ржали. Перед глазами уже плыли пятна от паники, а в ушах пищало. Я уже мысленно прощалась со всем - с работой, со своим будущим, со своим телом... Я понимала, что эти скоты в таком состоянии способны на всё, и им за это ничего не будет.

И уж не знаю, что бы со мной произошло в следующую секунду за закрытыми дверями хаммама, но тут дверь чуть не слетела с петель. В зал ворвался Игорь. Он был одет в сухое -

гулял, видимо, что бы оклематься. Оценив картину за долю секунды, он превратился в настоящего, безумного зверя.

Он подлетел к нам в два огромных прыжка. С ходу, без единого слова предупреждения, Игорь с размаху врезал чернявому прямо по морде. Удар был такой страшной силы, что парень отлетел на несколько метров, снося спиной журнальный столик с бокалами и с грохотом рушась на пол. Нос у него мгновенно превратился в кровавое месиво.

Игорь тут же развернулся к борову, который от неожиданности ослабил хватку. Наследник Лазаревых буквально зарычал, его лицо потемнело от бешеной ярости, вены на шее вздулись:

— Вы что делаете, гондоны?! Вы совсем берега попутали в моём доме?!

Боров, тяжело дыша и вытирая брызги чужой крови с лица, опешил, попятившись назад:

— Игорь... ты чо на?! Ты чего из-за прислуги на кентов кидаешься? Мы просто пошутить хотели...

— Отпустил её! — сорвался на оглушительный крик Игорь. Ещё секунда и он бы просто забил этого борова насмерть прямо у бассейна.

Тот испуганно вскинул руки и окончательно отпустил меня. Я рухнула на колени, тяжело хватая ртом воздух.

Игорь мгновенно опустил взгляд на меня. Его ярость на долю секунды уступила место неподдельному, глубокому ужасу. Он посмотрел на моё красное, размазанное, зарёванное лицо, на растрёпанные волосы и порванный ворот платья. Он сделал шаг ко мне, протягивая руку:

— Саш... Господи, Саш, ты как...

Но я не дала ему договорить. Меня захлестнула такая волна панического стыда и отворачивания ко всему этому месту, включая самого Игоря и его дружков, что я буквально взвилась с пола. Вырвалась, оттолкнув его руку, и, не разбирая дороги, пустилась бежать вверх по лестнице. По дороге, спотыкаясь на ступеньках, я теряла эти идиотские форменные туфли, ломая ногти, но даже не оборачивалась. Настя и Ира, бросив подносы, с криками ринулись следом за мной.

Я влетела в свою подвальную комнатку, с грохотом хлопнув дверью, и меня тут же затрясло. Крупная, ледяная дрожь била всё тело. Зубы стучали так, что больно было челюсти. Слёзы текли сплошным потоком, застилая глаза.

Я схватила свой рюкзак и принялась лихорадочно, трясущимися руками сгребать туда свои немногочисленные пожитки: джинсы, футболки, зубную щётку. Всё! Хватит! Ни одной минуты, ни одной секунды моей ноги в этом свинарнике не будет! Плевать на деньги, плевать на Рублёвку, пусть они сами тут захлебнутся в своём золотом дерьме!

В комнату без стука влетели девчонки.

— Алексашка! Саша, стой, подожди! — кликала меня испуганная, заплаканная Наська, пытаясь перехватить мои руки, которыми я комкала одежду.

Но меня так знобило и колотило от пережитого кошмара, от этого ощущения чужих липких лап на своём теле, что я её просто не слышала, продолжая безумно пихать вещи в сумку.

В этот момент Ира молча подошла, резко ухватила меня за плечи обеими руками и с силой встряхнула. Ого, сила у неё была трижды не женская! Ирка была выше меня на две головы, ростом почти с самого Игоря, статная, мощная. От её рывка у меня в голове немного прояснилось.

— Ой! Йик! — громко и нелепо икнула я от неожиданности, замирая.

— Саш, — красавица Ира посмотрела мне прямо в глаза. В её чёрных глазах сейчас не было прежней стервозности или ревности, там была только глубинная, женская солидарность и суровая собранность. — Успокойся... Слышишь меня? Дыши. Глубоко дыши. Всё закончилось. Он их там сейчас просто по стенам размазывает. Дыши, давай.

— Сашок... милая, давай я тебе сейчас налью валерьянки? Или коньяка у Нуси стяну? Тебя же колотит всю, — сочувствующе промямлила Настя, шмыгая носом и вытирая слёзы.

— Спасибо, девочки... Не надо... — уже гораздо тише, опустошённо произнесла я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Тряска внутри потихоньку утихала, уступая место апатии. — Всё нормально... Я поеду домой. Прямо сейчас. Я не могу здесь оставаться. Вы... вы без меня справитесь?

— Конечно, езжай, господи, о чём ты думаешь! — Настя обняла меня за плечи. — Езжай домой, приди в себя.

Я быстро переоделась в свои старые, родные джинсы и свободную футболку, в которой вчера гуляла у пруда. Сумка была застёгнута. Девчонки, плотно обступив меня с двух сторон, словно почётный конвой, вывели меня через цокольный чёрный ход, подальше от парадного крыльца, и сопроводили по длинной аллее до самых главных ворот особняка.

Мы как раз подходили к массивным кованым створкам, когда к воротам подкатил чёрный седан Аркадия. Управляющий, видимо, получил какой-то сигнал тревоги или просто вернулся зачем-то в особняк.

Крупная фигура Аркадия материализовалась из машины. Он на ходу поправлял пиджак, но, увидав нашу процессию, резко замер. Его лицо вытянулось.

— Эт ещё что такое? — опешил управляющий, переводя взгляд с моей сумки а на моё зарёванное лицо и растрёпанный вид девчонок. — Александра? Куда это ты на ночь глядя с вещами на выход собралась? Что за митинг?

— Аркадий Валерьевич, тут такое было... — Настя не выдержала, её прорвало, и она заговорила, глотая слова и отчаянно жестикулируя: — Друзья Игоря Владиславовича... они совсем напились! Животные какие-то! В баню потащили... Чуть Сашку нашу не изнасиловали! И к нам лапы тянули! Всех облапали! Игорь Владиславович ворвался, морду одному сломал, там сейчас бойня... Сашка уходит решила!

Аркадий замер. На секунду мне показалось, что он превратился в каменную статую. Затем он покивал головой, переваривая информацию, и его ноздри яростно, шумно раздулись. В глазах управляющего вспыхнул такой холодный, опасный блеск, какого я у него ещё никогда не видела. Старая гвардия Лазарева-старшего.

— Твою-то мать... — сквозь зубы процедил он.

Аркадий резко повернулся ко мне и ткнул пальцем в сторону своей машины:

— Садись, Александра. Довезу до дома.

— Спасибо, Аркадий Валерьевич, я сама... на такси доеду, — тихо пробормотала я, прижимая к себе сумку. Мне хотелось просто провалиться сквозь землю, чтобы никто меня не трогал.

— Я сказал - садись! — вдруг рявкнул он настоящим приказным, армейским тоном и глянул на нас такой леденящей гримасой, будто готов был прирезать на месте любого, кто посмеет возразить.

Настя с Ирой аж одновременно вздрогнули, вжали головы в плечи и испуганно отошли от меня на шаг.

— А вы две - живо в дом! — перевёл он на них свой яростный взгляд. — За Игорем проследить, охрану к бане вызвать! Работать!

— Да! Да, Аркадий Валерьевич, бежим! — пискнула Наська.

Девчонки растворились в темноте аллеи за долю секунды, оставив меня один на один с бушующим управляющим.

— Садись давай, — уже гораздо спокойнее, сдерживая внутренний рык, повторил Аркадий и, протянув руку, открыл переднюю пассажирскую дверь.

Делать было нечего. Я покорно уселась со своими пожитками на кожаное сиденье, поставила сумку в ноги и пристегнулась ремнем безопасности. Аркадий захлопнул мою дверь, обо-

шёл машину, сел за руль и с рёвом мотора сорвал седан с места, унося нас прочь от этого проклятого замка.

В салоне автомобиля пахло дорогой кожей и качественным табаком. Любит этот человек табак, однако. Мы ехали в полной, гнетущей тишине минут десять, выезжая на ночное шоссе в сторону Москвы. Я смотрела в окно на мелькающие заборы, и внутри меня потихоньку начала закипать горькая обида.

Аркадий вздохнул, не снимая рук с руля, и заговорил спокойным, размеренным, но очень веским голосом:

— Александра. Послушай меня внимательно. Я знаю, что у тебя сейчас в голове творится. Тебе больно, противно, и хочется весь этот гадюшник сжечь к чертям собачьим. И ты абсолютно права. То, что устроили эти выродки - это за гранью всего дозволенного.

Я промолчала, сильнее сжав пальцы на коленях.

— Но давай включим холодную голову, как твоя бабушка всегда делала, — продолжал управляющий, покосившись на меня. — Ты сейчас, небось, думаешь приехать домой и заявление в полицию накатать?

— А почему я должна молчать?! — не выдержала я, и мой голос сорвался на яростный писк. — Они вели себя как скоты! Они меня силой тащили! Если бы не Игорь, они бы... они бы сотворили со мной страшное! Вы понимаете это?! Это уголовка! Настоящее насилие!

— Понимаю, — жёстко отрезал Аркадий. — Всё я прекрасно понимаю, Саша. Но теперь послушай оборотную сторону этой медали. Все эти золотые мальчики - они непростые. Далеко непростые. Это сынки министров, крупных банкиров и силовиков. В трезвом виде, поверь мне, они вполне адекватные, образованные парни, интеллигенция столичная. А по синьке - дебилы конченные, у которых тормоза отказывают, потому что они с детства привыкли, что им всё дозволено.

Машина плавно обогнала попутную фуру. Свет фар на секунду выхватил суровый профиль Аркадия.

— Если ты подашь заявление, Саш, его попросту замнут, а ещё устроят тебе такую весёлую жизнь, что ты... Тебя же и сделают виноватой. Скажут, что экономка сама напросилась, сама прыгала перед ними полуголая, шантажировать пыталась. У них адвокаты такие, что мёртвого заставят признаться в убийстве. Ты ничего не докажешь, только жизнь себе сломаешь и нервы окончательно добьёшь. А у тебя бабушка в больнице, Саш. Ей покой нужен.

Горло сдавило спазмом от этой концентрированной, уродливой несправедливости. Мне хотелось кричать, растерзать их всех, разбить это лобовое стекло. Значит, им можно всё, а мне - сидеть и обтекать?!

— Я зуб даю, Александра, — тихо, но уверенно добавил Аркадий, — завтра утром, когда они протрезвеют и осознают, какую херню сотворили, и когда Игорь им мозги на место вправит... они приползут. Точнее, их отцы или адвокаты выйдут на связь. Они предложат тебе очень, очень крупную моральную компенсацию за молчание. За то, чтобы эта история не вышла за пределы рублёвских ворот. Сумма будет такая, что ты сможешь долги закрыть и вообще о деньгах на пару лет забыть.

Он сделал паузу, давая словам осесть в моей голове.

— И я тебе настоятельно, чисто по-человечески рекомендую: прими эту компенсацию. Не вороти нос, не включай свою гордость. Забери у этих тварей их деньги. Пусть платят за своё скотство. Для тебя это реальная помощь и путёвка в нормальную жизнь, а для них - урок. Подумай об этом. Подумай о бабушке.

— Так вы же сами только что сказали, что если я пикну, меня уруют?! Зачем же им мне платить что-то?

— А всё просто. Да, они отмажутся. Но осадочек-то останется... А если тебя обидели не одну, то будут люди шептаться. И сплетни порой сильно быют по репутации.

Я отвернулась к окну, чувствуя, как по щеке снова покатилась одинокая, горячая слеза. Мне было тошно от его практичности, но глубоко внутри ум Сашки Савельевой понимал: Аркадий прав. Абсолютно, сурово прав. В этой войне законов и кошельков у меня не было ни единого шанса.

Остаток пути мы провели в молчании. Машина заехала в мой дворик, фарами подсветив обшарпанный подъезд пятиэтажки. Всё это казалось каким-то другим миром, далёким от сверкающего рублёвского рая, который на поверку оказался гнилым зоопарком.

Аркадий остановил машину, разблокировал двери и мягко посмотрел на меня:

— Иди отдыхай. Спокойной тебе ночи.

— Спасибо, Аркадий Валерьевич, — выдавила я.

Я подхватила сумку, вышла из прохладного салона на душный ночной московский воздух. Дверь машины захлопнулась, седан развернулся и уехал, оставив меня наедине со своими мыслями среди тёмных, молчаливых стен родного двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.